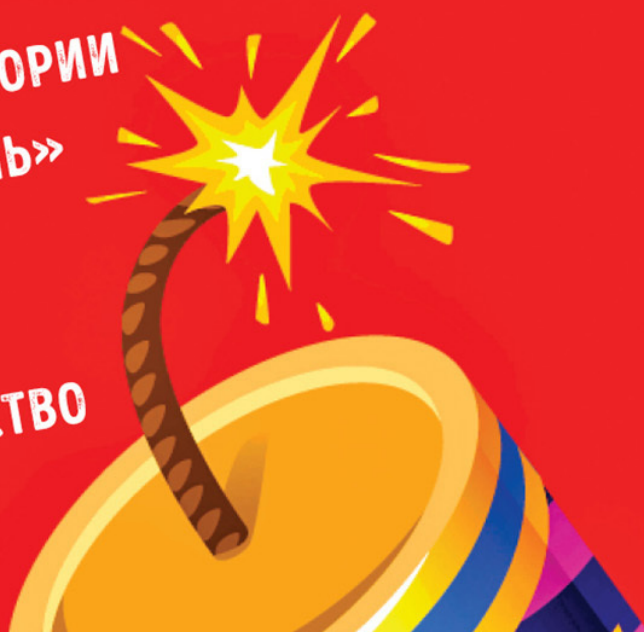

Александр
Каневский

Кинша не бюджет

ЗАБАВНЫЕ И ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ
КИНОЖУРНАЛА «ФИТИЛЬ»
ТРАГИКОМЕДИИ
АНЕКДОТЫ
И ВЕСЕЛОЕ ХУЛИГАНСТВО

Александр Каневский

Кина не будет

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

Каневский А. С.

Кина не будет / А. С. Каневский — «Автор», 2019

«Кина не будет» – да, книга сценариев! Читаешь и как будто смотришь фильм! Не все сценарии, даже доведенные до премьеры, дошли до экранов. Но у нас есть возможность все их увидеть и оценить... Все, что есть в этой книге, вызывает улыбку и смех. А что может быть лучше веселого настроения, доброжелательного отношения друг к другу и чувства юмора? Автор книги – Александр Каневский, чьи монологи и афоризмы звучали на всех эстрадах бывшего Советского Союза, его сатирические рассказы «по недосмотру редакторов» исполнялись по радио и на телевидении в передачах «Вокруг смеха» и «Кабачок 13 стульев», печатались в центральных газетах и журналах. За свое творчество Александр Семенович Каневский получил много званий, наград и премий: серебряную медаль «Алеко» (Болгария), золотую медаль Франца Кафки (Чехия), премию имени Юрия Нагибина (Израиль), диплом «Человек года» в Лондоне, звание профессора в Америке и другие.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

© Каневский А. С., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава первая	6
От автора	6
Ну что тебе сказать про Сахалин?..	7
Крепкий обычай	9
Внезапная ревизия	10
Дождлся	12
Изолированная ведьма	14
Глава вторая	16
Любящий муж	16
Лень	18
Мишка плюс Машка	20
Глава третья	22
Сорок минут до рассвета	22
Елена Прекрасная	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Каневский

Кина не будет

© Каневский А., текст, 2019

* * *

Глава первая

Сценарии киножурналов «Фитиль»

От автора

Их у меня брали с удовольствием и без замечаний извне, потому что во главе киножурнала стоял Сергей Михалков, член Верховного Совета СССР, председатель Союза писателей РСФСР, лауреат трёх Сталинских и одной Ленинской премии, заслуженный деятель искусств, академик, Герой Социалистического Труда, автор двух гимнов Советского Союза... Его боялись, ему не мешали, не делали замечаний, поэтому сюжеты «Фитиля» бывали довольно острыми. Он был любим и популярен. Главный режиссёр киножурнала Александр Столбов привлекал самых талантливых режиссёров и самых популярных артистов, и сюжеты «Фитиля» в основном были на высоком профессиональном уровне. Кроме того, сотрудничество с «Фитилём» давало мне возможность ближе познакомиться с известными артистами, режиссёрами, операторами и с некоторыми по-настоящему подружиться.

Словом, я с большим удовольствием сотрудничал с этим киножурналом.

Ну что тебе сказать про Сахалин?..

Учитель безнадежно махнул рукой.

– Идите! Совершенно ясно, что ваша голова пуста, как безвоздушное пространство.

Двойка.

Он придвинул ведомость, собираясь вписать оценку. Ученица небрежно откинулась на спинку стула.

– Что ж, ставьте. Потом сами за мной будете бегать, просить прощения.

– Я? Бегать? Это с какой стати?

– А вы подумайте. Что такое моя двойка? Это снижение процента успеваемости всей нашей школы. А успеваемость нашей школы отражается на проценте успеваемости нашего района. А процент успеваемости района влияет на процент успеваемости города. А низкий процент успеваемости города снижает процент успеваемости всей республики. Так что, замахнувшись на меня, вы замахнулись на республику!

Она развела руками, мол, как видите, ничем помочь не могу, и направилась к дверям. Совершенно ошеломлённый, он бросился за ней.

– Куда же вы? Подождите, я действительно погорячился: знаете, первый год, только из института. Садитесь! Вот так, поудобней... – Достал из ящика стола кулёчек. – Ешьте конфетки и не волнуйтесь.

– Это вы волнуетесь, а я спокойна. – Она снова откинулась на спинку стула, развернула конфету. – В следующий раз не покупайте «Грильяж», я люблю «Тузик».

– Хорошо, хорошо! Запомню!

– И, пожалуйста, побыстрей! У меня билеты в кино.

– Сейчас, сейчас. Мы мигом! Где ваш билет? Значит, так: «Сахалин. Его географическое положение, климат и природные условия...» Ну?

– Вы думаете, за эти десять минут у меня прибавилось знаний?

– Ну не может быть, чтобы вы абсолютно ничего не знали!

– Может!

Она жевала конфетку и смотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами.

– Подумайте, голубушка! Хоть что-нибудь про Сахалин. Ну прошу вас!

– Стойте, стойте! Вспомнила! – Она проглотила остаток конфеты и запела:

Ну что тебе сказать про Сахалин?

На острове нормальная погода...

– Прекрасно! – радостно закричал он. – Вот вы рассказали про климат. Ну! Ещё что-нибудь!

Она охотно продолжила:

...Прибой мою тельняшку просолил,

И я живу у самого восхода...

– Так! Великолепно! Значит, где находится Сахалин?

Она молчала.

– На во...

– На во! – охотно согласилась она.

– ...сто...

– Сто! – Она не возражала.

– ...ке?

– Ке!

– Совершенно верно! Значит, и географическое положение вам известно. Ну! Ещё немножко! Эх, жаль, гитары нет!

Но ученица обошлась без гитары:

...А почта с пересадками летит издалека
До самой дальней гавани Союза-а-а...

– Умница! Значит, вы знаете, что там есть и гавань, и почтовое сообщение!
Она его не слушала. Она с увлечением завывала:

...Где я бросаю камешки с крутого бережка
Далекого пролива Лаперу-у-за...

– Ну вот! Рельеф местности и омывающий пролив вам тоже известен! Достаточно. Пятёрка! – Он придвинул ведомость, раскрыл её. – О! Да у вас и по остальным предметам «отлично»!

Она забросила ногу на ногу и развернула следующую конфету.

– А вы думаете, остальных учителей процент успеваемости не волнует?!

Конец

Крепкий обычай

Конец рабочего дня. Пожилого рабочего догоняет молодой.

– Тимофеич, я сегодня первую получку получил – обмыть надо.

– Нет! – отвечает пожилой. – У нас с этим давно покончено, дорогой!

– Как так?

– Очень просто. Мы решили с каждой зарплаты подарки семье покупать. Вот и ты купи.

Например, духи «Кармен».

– Да ну их! Ещё духи!..

– Не хочешь – купи какую-нибудь игрушку сыну. Или велосипед.

– С первого класса канючит.

– Ну и купи, вот он, магазин. Зайди и купи. Или знаешь что? Пойдём вместе, а то ты по дороге передумашь.

Громкая, мобилизующая музыка. На весь экран – катящееся колесо. Это молодой рабочий катит велосипед. Обращается к пожилому:

– Вы меня не бросайте. А то стыдно так возвращаться: трезвый и с велосипедом.

– Ладно, провожу.

– А может, взять всё-таки пол-литру, а то первая получка – и не обмытая...

– Я тебе возьму!.. Вон цветы продают – купи жене букетик.

– А цветы-то ей зачем?

– Купи, купи!

Подводит его к продавице цветов. Указывает на букет. Тот покупает.

У дома их поджидают жена и сын. Увидев велосипед, потрясённый сын спрашивает:

– Папа, это мне?

– Тебе, тебе.

Сын бросается к велосипеду. Молодой подходит к жене, протягивает букет.

– А это тебе.

Растроганная жена плачет. Испуганный муж оправдывается:

– Я же не нарочно. Я не хотел...

Жена поворачивается к пожилому.

– Спасибо вам, Тимофеевич!.. Мы вам так благодарны!.. – Вспомнив о чём-то, поднимается. – Я сейчас.

Уходит в дом. К молодому присаживается Тимофеевич.

– Видишь, и без обмывания получки можно обойтись. И семья рада, и тебе приятно...

А сын-то, смотри, в восторге прямо.

– С первого класса канючит.

Тимофеевич удовлетворённо:

– Крепкая машина.

– Крепкая, – соглашается молодой и повторяет: – С первого класса канючит.

Не выпуская букета из рук, появляется жена. Добавляет:

– И скорость хорошая. Быстро вернётся.

– А куда это он поехал? – спрашивает муж.

Жена отвечает:

– Я его в магазин послала, за пол-литрой: надо же обмыть покупку.

Конец

Внезапная ревизия

На продуктовую базу номер четырнадцать явился ревизор.

– Внезапная ревизия! Всем оставаться на местах!

Взял ключи, документы и исчез в подсобных помещениях, а в кабинете у заведующего собрались все работники базы номер четырнадцать.

– Товарищи! – обратился завбазой Нечипорук к своим сотрудникам. – К результатам ревизии мы должны подготовиться заранее. Кто у нас в этом году будет сидеть?

Все молча повернулись и посмотрели на экспедитора Перлового. Тот заёрзал на стуле.

– Почему это я?.. Всегда я!.. Если человек тянет, так на него наваливают... Я в прошлой пятилетке сидел, в позапрошлой.

Заместитель заведующего Ханьгин, неразговорчивый алкоголик, ткнул пальцем в висящую на стене миллиметровку, разбитую на квадраты, и буркнул:

– Всё по графику.

Перловый сник, но по инерции ещё продолжал сопротивляться.

– Так... сразу... неожиданно.

– Почему неожиданно? – возразил грузчик Тимур. – Мы ведь тебе ко дню рождения пижаму полосатую подарили, чтобы привыкал. Решётки на окна поставили.

– Я в институт геронтологии ложусь, – продолжал канючить Перловый. – Мне уже палату приготовили, двухместную.

– Мы тебе лучшие условия создадим: будешь в одиночке сидеть!

Видя, что Перловый уже окончательно покорился, завбазой заговорил по-деловому:

– Значит так, зарплата тебе будет по-прежнему начисляться – мы тебя объявим почётным членом нашей бригады. Часть денег – семье, часть – на книжку, как в заграничной командировке. Плюс двадцать процентов северных.

– А за выслугу лет?

– Это будет зависеть от срока.

– Сын у меня весной на юридический поступать собирается.

– О семье не беспокойся, ею займутся Тимур и его команда. Сына – в институт, жене – путёвку в Цхалтубо, дочку в «Артек», маме – персональную пенсию. Но ты тоже время не теряй. Пересчитай все свои сберкнижки и сдай их на хранение в нашу общую библиотеку. Шубы – в ломбард, хрусталь по родичам развези.

– Я его ещё с прошлого раза не забрал.

– Вот и ладушки. И ни о чем не тужи. Это раньше было страшно сидеть, а теперь... Спутники запускаем, реки перекрыли, БАМ построили. В какое время сидеть будешь, а?

Завбазой открыл сейф и стал перекладывать его содержимое в подставленный Ханьгинным рюкзак.

– Вот твоё амуниция: тёплое финское бельё, две пары, для тюрьмы. Канадская дублёнка – для Севера. меховые унты. А это. – Он раскрыл холодильник и вытащил оттуда кошёлку, набитую снедью. – Это тоже для тюрьмы: тюпаёк. Здесь кетовая икра, астраханский балычок, испанские маслины. Споём на посошок.

Негромко затаили:

Прощай, любимый город...

Перловый растрогался.

– Хорошие вы друзья. Трудно мне будет без вас.

– Через годик к тебе Ханьгин приедет, его очередь.

Снова продолжали:

...И берег морской целует волна,
И тихо доносит баян.

– На кого доносит? – испуганно спросил Тимур.

Наступила пауза. Все задумались.

В этот момент дверь распахнулась, вошёл ревизор. Сотрудники базы замерли в ожидании приговора.

– Ревизия окончена! – Ревизор обвёл всех грозным взглядом, углядел рюкзак и кошёлку, подошёл, заглянул, остался доволен. – Уношу из вашей базы самые хорошие впечатления!

Надел рюкзак, взял кошёлку и пошёл к выходу.

Все, стоя навывтяжку, молча провожали его глазами. Только завбазой растерянно пролепетал:

– Так кто же все-таки в этом году будет сидеть?

Конец

Дождлся

Кабинет. За письменным столом – директор. В кабинете трое посетителей. Директор категорически заявляет:

– Не могу!

– Но Пал Петрович!.. – пытается повлиять на него один из посетителей. Директор рубит ладонью воздух.

– Не хочу! Не могу я этого, не имею права!

Опечаленные посетители покидают кабинет. Секретарша передаёт ему какое-то письмо. Он внимательно читает, и на лице у него появляется счастливая улыбка.

– Наконец-то!.. – радостно выдыхает и решительно приказывает: – Всех тех троих зовите сюда, зовите!

Секретарша выбегает в приёмную. Кричит:

– Товарищи!.. Товарищи!.. Заходите!.. И вы заходите! И вы!..

Трое уже знакомых нам посетителей входят в кабинет. Директор обращается к первому:

– Итак, вы просите деньги на строительство Дома культуры?..

Тот поспешно поясняет:

– Пал Петрович, молодёжи просто некуда деваться, а смета до сих пор не согласована с управлением!

– А зачем согласовывать? Я её сам сейчас утверждаю. И даю дополнительные средства на строительство стадиона.

Решительно подписывает бумаги. Ошеломлённый проситель только и может благодарно произнести:

– Пал Петрович!..

– О молодёжи нужно заботиться!..

– Спасибо, Павел Петрович!

Счастливец покидает кабинет.

– Что у вас? – спрашивает директор у следующего. Тот умоляюще:

– Разрешите хотя бы в лабораторных условиях проверить мой метод.

– Нет, нет. Мы его внедрим сразу по всем цехам! Иначе задержится. Если не рисковать, будем топтаться на месте.

Подписывает распоряжение. Обращается к оставшемуся третьему:

– Что у вас?

– Павел Петрович, поговорите с технологом, пусть хамить перестанет, он людей травмирует.

– А здесь разговоры не помогают. – Поворачивается к секретарше. – Тамарочка, подготовьте приказ об увольнении главного технолога...

Секретарша в растерянности разводит руками.

– Но...

Директор сурово прерывает её.

– Что «но», что «но»?.. У него что, дядя в министерстве?.. Мне на это наплевать!

Третий счастливый посетитель покидает кабинет. Секретарша подходит к столу, садится напротив шефа.

– Павел Петрович! Я вас сегодня не узнаю! Я вас просто не понимаю. Что с вами происходит?

Радостно улыбаясь, директор произносит монолог:

– Двадцать лет я сидел в этом кресле и ни разу не принял самостоятельного решения. Всё ответственности боялся. Всё ждал своего часа и вот, наконец, дождался! Зовите ко мне

всех, кому я отказывал, – всё разрешу, всё подпишу, всё санкционирую. Полжизни руки были связаны – хоть полдня поработаю по-настоящему... – Объясняет: – На пенсию меня отпускают, с завтрашнего числа!.. Поэтому за всё, что я сделаю сегодня, завтра отвечать будет другой!..

Встаёт, указывает на пустое кресло, как бы освобождая его для своего преемника.

Конец

Изолированная ведьма

Квартира. Прихожая. Звонок в дверь. Появляется хозяйка квартиры: пожилая блондинка, вся голова – в бигуди. Открывает дверь. Входит деловой мужчина в шляпе, с портфелем. Представляется.

– Здравствуйте! – приподнимает шляпу. – Я из домоуправления. Это вы писали жалобу на гражданку Воробьёву?

– Я.

– Мне поручено уточнить некоторые факты, изложенные в вашем заявлении. – Достает из портфеля её заявление, читает: – Первое: правда ли, что Воробьёва систематически сыплет в ваш борщ стакан соли?

Хозяйка со вздохом отвечает:

– Правда. Она мне из борща рассольник делает.

– Так. – Мужчина ставит птичку на заявлении. – Второе: верно ли, что она отравила вашу кошку?

– Кота, – уточняет хозяйка. – Мурзиком звали.

– Так. – Посетитель делает вторую пометку на заявлении. – И, наконец, третье: правда ли, что гражданка Воробьёва заперла вас в ванной комнате и не выпускала до вечера?

– Было такое. Даже в туалет не выпускала.

– Ну что ж, картина ясна. – Посетитель сделал третью пометку и спрятал заявление в портфель. – С таким человеком, конечно, жить невозможно.

– Сплошная мука! – уточнила хозяйка.

– Согласен. Остаётся только увидеть гражданку Воробьёву. Она дома?

– Дома, дома.

– Попросите её, пожалуйста, сюда.

Хозяйка удивилась:

– А чего просить? Я же здесь.

– Вы-то здесь, но для полной ясности нужна ещё и Воробьёва.

– Так ведь Воробьёва – это я.

– Вы?! – Посетитель явно ошарашен.

– Ну да. Я – Воробьёва.

– По-по-погодите... Я не понимаю. Вы – Воробьёва?

– Ну да, я – Воробьёва.

– А жалобу писали на... на Воробьёву?

– На неё, подлую.

– Выходит, вы сами на себя писали?

– Ага.

Он всё ещё в лёгком шоке.

– Но зачем?

Удивляясь его непониманию, она объясняет:

– А на кого мне ещё писать?.. Квартира-то отдельная, соседей нет. Надо как-то выходить из положения.

– И всё-таки, отчего вы на себя такое наговорили?

– С горя. Ведь как я раньше жила!.. Да у нас не квартира была, а коммунальный рай! Выйдешь, бывало, на кухню, душа радуется: четыре плиты, восемь столиков, шестнадцать хозяек! Вот это размах! С одной поссоришься, другой насолишь, третьей чайник перевернёшь!.. И от жизни не отстаёшь, всегда в курсе: кто любит, кто судится, кто где бывает, кому что пишут!.. Жила бы так двести лет, если бы дом не снесли, а меня не изолировали...

– Так это же хорошо!

– Что ж тут хорошего?! Кухня – одна, плита – одна, хозяйка – одна, а неприятностей – тысячи! Сначала пробовала чем-то полезным заняться: загляну через скважину в другую комнату – ничего интересного. Перехватывала собственные письма – скука, соседям интереснее писали!.. Ругаться пробовала – ругайся хоть неделю, никто тебе слова плохого не ответит, потому что не слышит!

Она очень убедительно объясняет, но он всё ещё не может прийти в себя.

– Выходит, вы сами себе в борщ соль сыпали?

– Сыпала.

– Зачем?

– По привычке.

– И кота своего отравили?

– Отравила сердечного! – Она разрыдалась.

– Чего же вы плачете?

– Жалко! Очень я его любила.

– Зачем же было отравлять?

– А кто ж это сделает? Соседей-то уже нет.

– И в ванной сами себя заперли?

– Сама.

– Невероятно! – Он всплеснул руками. – Как это можно, находясь внутри, закрыть себя снаружи?!

– Сама удивляюсь. – Она с мольбой протянула к нему руки. – Голубчик! Помогите мне! Помогите выселить себя из этой квартиры!

Он растерялся.

– Как?.. За что?.. У нас нет оснований...

– А мои страдания – это не основание?.. Я так жить больше не могу! Слышите: не могу!.. Я к общественности обращусь!..

Камера наезжает – она с экрана обращается к зрительному залу:

– Товарищи! Дорогие! Помогите! Спасите!.. Меняю изолированную квартиру со всеми удобствами на любую жилплощадь в многонаселённой квартире!

Конец

Глава вторая

Сценарии мультфильмов для взрослых

Любящий муж

ОТ АВТОРА: Я с охотой и удовольствием сотрудничал с рисованной и кукольной мультипликацией: она давала безграничные возможности для выдумки, эксцентрики и весёлого хулиганства. Моим первым сценарием в этом жанре был «Любящий муж». Я написал его для замечательного ленинградского артиста Ефима Левинсона, который перевёл его на разные языки и показывал во многих странах, и всегда с большим успехом. Меня это радовало не только как автора, но и как гражданина: оказалось, что тема пьянства остра и популярна не только в России.

Вечер. Столб. На нём фонарь, от которого внизу очерчен круг света. Слышится песня:

Я её целовал, уходя на работу,
А себя, как всегда, целовать забывал...

В освещенный круг на четвереньках вползает «исполнитель песни». Это мужчина средних лет, в шляпе и галстук, сдвинутом на бок. Радостно сообщает:

– А я сегодня праздную день рождения моей дорогой супруги!.. Уже пять дней как праздную... Потому что я мою жену Катеньку очень люблю и даже симпатизирую!.. – Радостно хохочет. – Я ей подарок несу... конфетку... на сдачу дали... – Ищет во всех карманах, не находит. – Потерял! – Снова хохочет. – Да ничего!.. – Пополз дальше. – Всё равно я её... я её...

Продолжил песню:

... Я её целовал, уходя на работу.
А себя, как всегда...

Страшный удар – это он головой трахнулся об столб, с такой силой, что столб треснул и согнулся. Мужчина радостно обращается к столбу:

– Катя, это ты? – Несколько раз целует столб, приговаривая: – Ах ты моя пташечка!.. Ласточка!.. Кана реечка!..

Снова переходит на песню:

...Канареечка жалобно поёт!..

Обращается к столбу:

– Катя,пусти меня домой! – Пытается проползти, но снова ударяется головой об столб. – Не пускаешь?... Ну и не надо!.. Уйду от тебя совсем!.. И буду жить один!.. – Плачет. – Вдовой буду жить! – Заходится в рыданиях.

В луче света появляется собака. Удивлённо рассматривает его, затем громко гавкает. Он вздрагивает, поднимает голову. Подползает к ней. Они обнюхивают друг друга. Понравились. Собака дружелюбно крутит хвостом, а он в её ритме крутит попой. Затем вдруг, радостно, как бы узнав:

– Аркадий!.. Друг!.. Это ты?.. – Затем очень интимно: – Ты свою жену уважаешь? – Собака подтверждающе гавкает. – Вот! И я тоже!.. Я её... – Продолжает свои признания песней:

...Я её целовал, уходя на работу,
А себя, как всегда...

Собака, встав на задние лапы, берёт его за галстук, как за поводок, и уводит из освещённого круга.

Конец

Лень

ОТ АВТОРА: История следующего сюжета грустна, забавна и очень точно передаёт то время, в которое он был создан.

На Московском международном кинофестивале этому фильму дали три премии: за лучшую режиссуру, лучшее художественное оформление и лучший сценарий.

За сценарий дали вынужденно: наши бдительные чиновники увидели в нём нечто анти-советское, но не могли не согласиться с мнением иностранных членов жюри, среди которых был такой авторитет, как Феллини, которому сценарий понравился. Многие страны купили фильм, но в Советском Союзе, несмотря на премии, его запретили показывать.

Так и пролежал он много лет на полке, и только после прихода перестройки его выпустили на экраны, где я его впервые и увидел.

На экране большой аквариум. Изнутри по стенке аквариума проползает улитка, как бы открывая занавес. Мы видим много разноцветных рыбок. Песок, ракушки, водоросли.

Звучит закадровый голос:

– Купил я аквариум с рыбками... Сижу, обедаю, изучаю...

Обладатель этого голоса – толстый, сытый, в пижаме и комнатных тапках. Сидит в кресле за обеденным столом. Перед ним глубокая миска, наполненная едой. В руке вилка, которой он лениво перебирает содержимое миски. Рядом на стуле лежит большой толстый кот.

– ...День, два, неделю. Вода в аквариуме мутная, надо бы поменять, да вставать неохота, отяжелел я после обеда...

Назойливая муха ползает по его босой ноге, выпавшей из тапка. Он шевелит большим пальцем, пытаясь прогнать её, но безуспешно. Лениво угрожает:

– ...Пошла вон!.. Сейчас как хлопну!..

Кот, которому это надоело, спрыгивает на пол и прогоняет муху.

– ...Спасибо, Вася! Ты настоящий друг!

Снова поворачивается к аквариуму.

– ...А они уже жрут друг друга... Надо бы им еды подсыпать... О, там ещё одна рыба появилась, хищная... На других охотится... Отселить бы её надо, да вставать лень...

Рыба сжирает всё подряд: и рыб, и водоросли, и песок. Затем подпрыгивает и отгрызает часть стенки аквариума.

– ...Совсем озверела!.. Что делать, Вася?..

Кот прыгает на стол, подходит к аквариуму, который на противоположном конце стола, встает на задние лапы, а передней лапой пытается зацепить рыбу. Но она успевает ухватить его зубами за эту лапу и втаскивает в аквариум.

– ...Бедный Вася!.. Друг мой единственный. Надо бы ему помочь...

Пытается попасть ногой в тапок, но тот соскакивает. Устав от этой попытки, со вздохом произносит:

– ...Всё равно уже поздно... Бедный Вася!..

Сожрав кота, рыба выпрыгивает из аквариума, хватая толстяка за шиворот, бросает его в аквариум, а сама садится на его место. Он выныривает из воды и возмущённо кричит:

– ...Что это значит?.. По какому праву?.. Я буду жалова...

Рыба бросает ему в рот червячка.

– ...Буду протесто...

Следующий червячок снова затыкает ему рот.

И каждый раз, когда он открывает рот для возмущения, брошенные рыбой червячки прерывают его протесты. Он их проглатывает. Становится более миролюбивым.

– ...Ничего, вкусно... Может, с ней по-хорошему договориться? А то разозлится, совсем кормить перестанет...

Плавает, рассматривает аквариум изнутри.

– ...Надо срочно что-то придумать... Но как?.. Мозг-то у меня уже рыбий стал... Кажется, и жабры прорезались...

Снова плавает и внимательно рассматривает водоросли, песок, стенки аквариума.

– ...А может, не надо ничего придумывать... Зачем воду баламутить?..

Мы видим его уже сидящим в кресле-качалке среди водорослей.

– ...И здесь жить можно... Тихо, уютно, червячков дают... Лишь бы не трогали... Лишь бы червячков давали...

По стеклу аквариума снова проползает большая улитка, как бы закрывая занавес.

Конец

Мишка плюс Машка

ОТ АВТОРА: *Не верьте названию, следующий фильм отнюдь не детский: дети мне нужны были только для завязки сюжета. И для названия.*

Яркий солнечный день. Большой двор. Звучит весёлая музыка. Из подъезда многоэтажного дома выходят пятилетний Мишка, его мама и их кошка. Навстречу им идут пятилетняя Машка, её мама и их собака. Радостная встреча. Мама целуются, кошка облизывает собаку, собака кошку, а Мишка и Машка бегут в песочницу и вместе лепят из песка домики.

Мишкина мама принесла тазик с постиранным бельём и развешивает его на верёвке, привязанной к столбу. До второго столба верёвки не хватает. Тогда Машкина мама снимает с себя пояс, привязывает его к верёвке, а второй конец пояса цепляет к столбу. Проблема решена. Мишкина мама благодарно целует Машкину маму.

Два балкона, один под другим, на третьем и четвёртом этажах. На нижнем – Мишкина мама. К перилам прикреплены ящики, в которых растёт зелёный горошек. Машкина мама крепит верёвочки к ящикам и передаёт их наверх Мишкиной маме. Та привязывает их к своим перилам, и горошек устремляется вверх. Через секунду, на радость обеим мамам, оба балкона утопают в зелени.

В песочнице Мишка и Машка дружно продолжают строительство своих конструкций. Во двор входит Мишкин папа. Мишка выскакивает из песочницы и бежит ему навстречу. Папа подхватывает его на руки, целует и вручает порцию мороженого на палочке. Во двор входит Машкин папа. Подхватив на руки выбежавшую ему навстречу Машку, целует её и вручает ей воздушный шарик на ниточке. Оба папы здороваются, обнимаются и в обнимку идут к подъезду.

В квартире у Мишкиных родителей проблема: они пытаются повесить новую люстру, но она не держится и всё время падает. На помощь приходит Машкин папа: он у себя в полу делает дырку, вкручивает в неё гайку с крюком, просовывает сквозь пол, и Мишкин папа вешает на него люстру.

А в это время на балконе Машкина мама вырезает из газет макет платья для Мишкиной мамы, примеривает – всё замечательно, и Мишкина мама тянет к ней губы с благодарным поцелуем, но... В этот момент музыка прерывается и слышен громкий плач Машки. Прервав поцелуй, Машкина мама бросается во двор. За ней – Мишкина мама. Внизу, в песочнице, Мишка отобрал у Машки воздушный шарик, чем и вызвал её плач. Машкина мама хватается за Машку на руки и отбирает у Мишки шарик, вызвав его ответный плач, переходящий в рёв.

Прибегает Мишкина мама, хватается за Машку и обрушивается с руганью на Машкину маму. Ссора разгорается, обе мамы уже стоят в боевой стойке. Прибежавшие на шум, в такой же боевой стойке стоят Машкина собака и Мишкина кошка. Ссора мам готова перейти в рукопашную, но тут прибегает Мишкин папа, вслед за ним – Машкин. Они с налёта включаются в скандал. Чтоб не доводить до рукоприкладства, Машкина мама утаскивает мужа домой. Проходя мимо бельевой верёвки, она срывает со столба свой пояс – всё бельё Мишкиной мамы падает на землю. И в завершение Машкина собака пробегает по всему белью и вытирает об него свои грязные лапы.

В ответ Мишкина мама вбегает на свой балкон с ножницами в руках и перерезает все верёвочки, по которым зелёный горошек добирался до верхнего балкона. Тогда Машкина мама вытряхивает вниз содержимое мусорной корзины: нижний балкон засыпан старыми газетами, обрывками журналов, старыми пакетами и тряпками. Возмущённые папа и мама Мишки собирают весь этот мусор, несут его в кухню, запикивают в дыру мусоропровода и поджигают. Наверху, в кухне у Машкиных родителей из-под дверцы мусоропровода, повалил густой дым.

Мама Машки, окутанная этим дымом, падает в обморок. А внизу папа и мама Мишки продолжают забивать мусоропровод старыми газетами и журналами, поддерживая огонь. Из окна кухни Машкиной квартиры валит дым. Перепуганные соседи звонят пожарникам. Включаясь в войну для совершения диверсии, Машкина кошка на цыпочках крадётся во вражескую квартиру. А там свершается ещё одна акция возмездия: папа Машки откручивает гайку в полу, на которой держится люстра и та с грохотом обрушивается на соседей. Этого Мишкины родители уже выдержать не могут и с угрозами бросаются в квартиру верхних соседей. Туда уже пробралась их кошка, проскользнула в кухню, вытащила из кастрюли варёную утку и потащила её хозяевам. Но на пути её возник верный пёс.

Драка между ними переходит во всеобщую драку, в которую включаются родители и Машки, и Мишки. Все смешались в одну кучу, из которой периодически выталкиваются то один, то другой участники. Драка увеличивает обороты. Вываливается Мишкин папа. Он хватается штопор и штопором вперёд врезается в кучу-малу. Через секунду оттуда, держась за ягодичы, вылетает Машкин папа. Он хватается большой кухонный шкаф, набитый посудой, поднимает его над головой, чтобы обрушить его на дерущихся...

А в это время во дворе все соседи с ужасом наблюдают, как на четвёртом этаже трясётся и подпрыгивает бетонный блок и из окна кухни валит дым.

С пронзительными сиренами во двор врываются пожарная машина, «Скорая помощь» и полиция. Шум, крики, грохот перекрываются тревожной, всё нарастающей музыкой... И вдруг она обрывается. Тишина.

Вступает нежная, лирическая мелодия. Мы видим, что в песочнице сидят давно помирившиеся Мишка и Машка. У каждого в руке по половинке воздушного шарика на ниточках. А у Мишки в руке мороженое на палочке, от которого они по очереди откусывают по кусочку.

Конец

Глава третья

Сценарии полнометражных фильмов

Сорок минут до рассвета

ОТ АВТОРА: «Сорок минут до рассвета» – мой первый полнометражный киносценарий, я написал его вместе с покойным Робертом Виккерсом. Он очень понравился и режиссёру Якову Сегелю, и директору киностудии имени Горького Григорию Бритикову, и руководителю объединения Сергею Герасимову, и великолепному артисту Глебу Стриженову, который и сыграл в этом фильме главную роль... Даже от Георгия Товстоногова, который каким-то образом прочитал сценарий, мы получили предложение поставить этот сценарий на сцене БДТ.

Словом, это был большой успех, мы захлёбывались в славе, и в связи с тем, что Яков Сегель, снимая фильм «Течёт Волга», не успел вложиться в летнюю натуру и выпуск этого фильма был отсрочен почти на год, мы отдали наш сценарий на «Беларусьфильм», где сразу приступили к его съёмкам. Снимал талантливый режиссёр Борис Рыцарев, играли выдающиеся актёры, к примеру, такие как Глеб Стриженов и народный артист СССР Дмитрий Милутенко...

И оператор, и директор фильма, и руководство студии любили этот сценарий и всячески содействовали его воплощению на экране, но... Завершение съёмок нашего фильма совпало с затеянной кампанией Хрущёва: борьба с влиянием Запада. Главный удар пришёлся по тонкому, изящному и правдивому фильму режиссёра Марлена Хуциева «Застава Ильича». И была «спущена» команда: в каждой республике, на каждой студии найти что-нибудь подобное и побить его.

Поскольку наш фильм имел необычный сюжет, его признали годным для битья и поиздевались над ним до того, что «отрезали» финальный поворот сюжета, который заставлял потом переосмыслить всё увиденное. И хоть фильм вышел на экраны в таком обрезанном виде, всё равно он понравился публике, и залы были полными. Но именно это не понравилось властям, и через три дня, по требованию ПУРа (Политического управления армии), он был снят с проката. Навсегда.

Я пробился на приём к заместителю начальника ПУРа и спросил:

– За что вы запретили наш фильм?

И он спокойно ответил:

– За еврейский пацифизм.

– Разъясните, в чём он выражается?

– Нет, это вы разъясните, почему считаете, что на войне погибали лучшие?

– Потому что они вели за собой и были всегда впереди.

– А кто же, по-вашему, остался?

Я посмотрел на его кабинетно-верноподданное лицо и ответил:

– Посмотрите в зеркало!

И вышел из кабинета.

Было горько и больно: потрачено столько времени, и сил, и здоровья! И самое обидное: фильм даже в таком кастрированном виде всё равно многим нравился. Приведу цитату из интервью Глеба Стриженова, которое он дал через много лет, незадолго до смерти:

ЖУРНАЛИСТ: Вы снимались во многих фильмах – какой из них доставил вам самую большую радость?

ГЛЕБ: «Сорок минут до рассвета».

ЖУРНАЛИСТ: А какой – самое большое огорчение?

ГЛЕБ: «Сорок минут до рассвета».

На этом я заканчиваю своё вступление и предлагаю вам самим познакомиться с этим сценарием.

Сырая весенняя ночь. Быстро мчится курьерский поезд. В тамбуре купейного вагона с маленьким чемоданом в руке стоит Константин Метелёв, сидящий мужчина лет сорока. Поезд подходит к станции. Девушка-проводница с грохотом открывает вагонную дверь.

– К родным? – поворачивается она к Метелёву.

– Нет.

– Отдохнуть?

Метелёв отрицательно качает головой.

– Значит, по делу, – заключает девушка. – А большой город Зареченск?

– Не знаю. Во время войны был просто «населённым пунктом».

Толчок. Поезд остановился. Станция. Мужской голос негромко поёт задушевную солдатскую песню:

Бой гремел от зари до заката,
Выли мины всё злее и злее...
Только к ночи вздохнули ребята
И уснули в случайной траншее.
Солдат согревает родная земля,
И над ними шумят тополя...

На фоне песни идут титры. Переждав титры, паровоз даёт гудок и трогается. Поезд ушёл. На пустынном перроне остался Метелёв.

Вот он уже у дверей небольшой гостиницы. Недовольный швейцар открывает не сразу. Заспанная дежурная спрашивает:

– Надолго?

– Не знаю, – отвечает приезжий. – Разбудите меня на рассвете.

Предрассветный сумрак. Пустыми улицами ещё не проснувшегося городка Метелёв выходит на окраину. Вот он у подножия холма, на вершине которого белеет маленький домик. Он что-то отыскивает по одному ему знакомым приметам. Кажется, нашел.

Он стоит у большого развесистого вяза. Закуривает и задумчиво рассматривает старую обвалившуюся траншею, заросшую высокой травой. Неожиданно его окликает далекий мужской голос:

– Костя!

Он закрывает глаза и улыбается. Другой голос зовёт его:

– Костя!

Он не отвечает. Тогда вслед за мужскими голосами его окликает женский голос:

– Костя!

Не открывая глаз, он улыбается своим далёким воспоминаниям.

Вот семнадцать лет назад, пригнувшись, он идёт по этой же траншее. Подходит к группе солдат, окружившей долговязого старшину Григория Бандуру. Не замечая Метелёва, тот продолжает увлечённо рассказывать:

– ...Иду, значит, обратно... На краю села – баня. На лавке обмундирование, рядом часовой...купаются, бисовы диты!.. Ну, я часового... – Бандура сделал выразительный жест, –

автомат наперевес и в баню. А там шесть немцев друг дружке шею намыливают. Я их, значит, приветствую: «С лёгким паром! В колонну по два становись!..» Так тёпленькими и доставил. И шесть шаяк в хозяйстве прибавилось!..

– А шайки при чём? – спросил кто-то.

– Стеснялись голыми топать, так я им разрешил шайками прикрыться...

Все рассмеялись.

– Что-то вы, товарищ старшина, того...

– Не веришь? Спроси у лейтенанта... Не даст сбrehать!

– Не дам!

Увидев Метелёва, Бандура не смутился.

– Вы же сами мне благодарность вынесли!..

– За одного языка.

– Одного? – протянул кто-то из солдат. – А где остальные пять?

Вместо Бандуры ответил Метелёв.

– Задержались у интенданта: шайки сдают.

Все расхохотались.

– Чего регочете? Хай один, зато генерал!

– Лейтенант! – поправил Метелёв.

– Смотри ты, – притворно изумился старшина. – А пузо як у генерала!

Посмеиваясь, солдаты разошлись. Рядом с Бандурой остались только Метелёв и связистка Нина Павлова, тоненькая девушка в непригнутой шинели.

– Орёл... Орёл... Я – Ласточка!.. Я – Ласточка!.. Прием... – настойчиво вызывала она кого-то по рации.

Появился пехотный капитан.

– Проход готов... Торопитесь... До рассвета сорок минут...

– Успеем!

Капитан кивнул на верхушку холма, где белел маленький домик.

– Крепкий орешек! – Он достал пачку махорки, собираясь закурить. Бандура молча взял у него из рук пачку, проделал над ней несколько сложных манипуляций, и махорка исчезла.

– Вот так и с тем снайпером!..

Забыв о махорке, капитан восхищённо хлопнул Бандуру по плечу.

– Настоящий Кио!..

В это время рядом грохнул снаряд.

– Она... неуловимая! – сказал капитан.

– Ничего, не долго! – Бандура проверил оружие, затем вытащил из вещмешка кусок кумача и спрятал за пазуху.

– Зачем? – спросил Метелёв.

– Это всегда со мной... Прицеплю на главной немецкой хате... Ну, бувайте!.. Нинок, почуешь зозулю – тащи рацию...

В глубине траншеи кто-то вполголоса пел задумчивую фронтовую песню.

...Спят солдаты, намаявшись за день,
А вокруг ещё травы дымятся...

Бандура положил руку на бруствер, собираясь вынырнуть из траншеи. В руке у него оказалась горсть земли.

– Сеять пора! – Он помял её в руках, осторожно вернул на место и перевалился через бруствер.

...Отойдём-ка в сторонку, приятель.
Утром снова им в бой подниматься... –

тихонько подхватил Метелёв.

Закачались над ним ветви вяза, зашумели в лад песне ветки деревьев, покрывавшиеся первыми почками.

...Солдат согревает родная земля
И над ними шумят тополя... –

закончил песню Метелёв. Только закончил её не в окопе, а за столом Бандуриной комнаты. А сам Бандура, на семнадцать лет постаревший, но такой же нескладный и размашистый, чуть не прослезился от фронтовых воспоминаний.

Перед Метелёвым бритвенный прибор. Уже давно остыла вода, а друзья всё никак не могут наговориться.

– Помнишь тревогу в Смоленске? – спрашивает Бандура.

Метелёв кивает.

– А як ты в Ирпене хаты перепутав? – Метелёв улыбается и снова кивает.

– А та банка сметаны? – Оба хохочут.

– Ну, брейся, брейся! – Бандура пододвигает Метелёву прибор, как бы показывая, что больше отвлекать его не будет, но не удерживается:

– Ну и чертяка! За семнадцать лет – ни одного письма!..

– Но ведь и ты ни строчки не черкнул!

– Найшов с кого пример брать! Ладно, ладно, брейся!

Намыливая кисточку, Метелёв спрашивает у друга:

– Расскажи все же, как сюда попал?.. Спасибо, в райкоме помогли, а то бы не нашёл...

– Ну, слухай...

– Только, чур... – Метелёв предостерегающе поднимает руку.

– Та що ты! – понял его предостережение Бандура. – Расскажу все по правде!.. Прибыл я сюда, як только снежок сходить начал... Грязюка – не пройти, не проехать!..

Голос Бандуры звучит уже за кадром. На экране – его рассказ.

Маленькая сельская чайная. Над прилавком во всю стену висит огромная картина, изображающая Ледовое побоище.

Шофёр Степан с приятелем, вёртким пареньком, сидят за столом. Угощает Степан, а его друг восхищённо следит за ловкими движениями шофёра, откупоривающего четвертушку.

– Поехали!..

Друзья чокнулись. В этот момент в чайную быстро вошёл Свирид Антонович. Подошёл к стойке, о чём-то попросил. Буфетчица удивлённо на него уставилась.

– Та вам же нельзя!

– Тебя не касается! Налей. – Старик опустил голову и тихо добавил: – Деньги из пенсии отдам.

Буфетчица обрадовалась поводу:

– Без денег не могу. Выручку сдавать надо.

– Свирид Антонович, – вмешался шофер, – могу подкинуть пятерку! – Он великодушно протянул старику смятую бумажку. Тот расправил её, посмотрел грустно и положил обратно.

– Какая-то она у тебя грязная! – и быстро пошёл к выходу.

В дверях он чуть не сбил с ног входящего Бандуру.

– Здравствуйте! – весело приветствовал всех Гриць Карпович. – Чайком напоите? – обратился он к буфетчице.

– Чай холодный. – Буфетчица сказала это, уже подавая ему стакан.

– У нас горячий, – заметил гостеприимно шофёр. – Присаживайтесь!

Даже если бы Бандура захотел, больше сесть было некуда. Очевидно, чайная закрывалась, и все столики уже были перевёрнуты кверху ножками. Степан снова подмигнул приятелю, и тот мгновенно доставил от стойки новую бутылку.

– Не одобряю, – сообщил Гриць Карпович. – Там, где я сижу, её не будет.

– Куда же она денется?

– Побачишь.

Бандура ловко накрыл бутылку своей широкополой шляпой, потом проделал над ней несколько непонятных движений, а когда поднял шляпу, водки там не оказалось.

– Вот и всё! Дело в шляпе!

Когда улеглось впечатление от фокуса, Степан поинтересовался:

– А как обратно?

– Обратно не умею.

Это не понравилось друзьям.

– Ты тут цирка не устраивай! Давай обратно!.. А то как двину!

– Степан дважды не повторяет! – предупредил вёрткий.

В это мгновение в чайную снова вскочил дед Свирид. Он держал в руках добытые где-то деньги.

– Налей! – обратился он к буфетчице.

– Отставить! – Не оборачиваясь, рявкнул Бандура.

– Это как? – растерялся старик.

– Хватит! Пили уже сегодня! Стыдно! За рюмкой совсем про совесть забыли!

– Это я-то забыл? Я?! – не на шутку разволновался дед.

– Да кто ты такой?! – возмутился Степан.

– Степа, двинь ему! – подлил масла в огонь вёрткий.

– Что?! – загремел Бандура.

Дальнейшие события сопровождаются его рассказом:

Голос Бандуры: «Держись, Гриць, держись, – говорю я себе. Но ты же меня знаешь! А тут еще «Ледовое побоище» перед глазами! Стукнул я по столу. Стол – вдребезги! Одного за дверь, другого – в окно, остальных расшвырял, як котят...»

Из дверей и окон чайной летят на улицу жертвы Бандуры, падают на землю... Их уже больше десятка...

В кадре Бандура и бреющийся Метелёв.

– Погоди, погоди, – смеётся Константин, – их же всего трое было!

– А остальные на шум прибежали! Но я их всех...

– Гриць!.. – Метелёв умоляюще прижал руку к груди. – Мы ж договорились!

– Ну ладно! Только не перебивай!.. На чем я остановился?

Все четверо стоят в воинственных позах.

– Да кто ты такой? – повторяет Степан.

– Новый председатель! – спокойно отвечает Гриць Карпович. – И первый мой наказ – спиртного в посевную не отпускать! – Он повернулся к буфетчице.

– Бо я такой фокус покажу, що вас тут больше не увидят! – И глядя на картину «Ледовое побоище», добавил:

– На том стояла и стоять будет... – не договорил и двинулся к выходу.

– Так разве ж я... – пробормотала буфетчица.

Но её перебил робкий голос вёрткого парня:

– А как же бутылка? Деньги ж заплачены!..

Бандура возвратился, снял шляпу, взмахнул ею, и перед изумлёнными глазами зрителей на столе появилась бутылка кефира.

Бандура широко шагает по утреннему селу, помахивая своей шляпой. Настроение у него бодрое, боевое... Возле одной хаты пацаны соревнуются в хождении на руках. Бандура посмотрел, усмехнулся.

– Дурный, шо ты ногами дрыгаешь? – Он сунул одному из мальчишек свою шляпу. – Вот как надо!

И оглянувшись сперва – нет ли поблизости взрослых, – нескладный Гриць Карпович неожиданно ловко стал на руки и лихо прошёл несколько шагов. Этим было завоевано полное уважение пацанов.

– А мостик?

– Пустяк-дело! – гордо ответил Бандура, отряхивая руки.

– А прыгнуть с крыши?

– Раз плюнуть!

– С этой не сможете.

– Пospорим?

– Она трухлявая – не выдержит... Как дождь, так хуже, чем на дворе...

– А батька почему не починит?

– У него нет батьки.

– А колхоз?

– А! – Мальчик по-взрослому махнул рукой. – Два года мамке обещают!

Бандура погрузился. По улице к нему направлялся Сердюк. Гриць Карпович надел шляпу. Поздоровались.

– Дождь будет, – сказал заместитель, посмотрев на небо. – Я назначил на восемь совещание.

– Правильно...

– Значит, в восемь, в правлении.

– Добре. Только не в правлении, а в этой хате.

Сердюк удивился, хотел что-то возразить, но Бандура прервал его.

– Точка!

И свернул за угол.

У склада инструментов, под навесом, знакомый нам вёрткий парень развлекает трёх девочек, отставивших грабли и щёлкающих семечки.

– Почему не в поле? – спросил подошедший Бандура.

Девчата переглянулись и засмеялись.

– Тут парней больше, а там – хоть год ищи – ни одного не встретишь, – ответила самая бойкая из них. Бандура повернулся к парню:

– А ты?

Парень поманил председателя в сторону и доверительно сообщил ему на ухо:

– Туфли разношиваю.

Парень явно издевался. На ногах у него красовались модные заграничные сандалеты с налипшими комьями грязи. Бандура взорвался.

– Обуть сапоги – и на работу!

– А я фокусы показывать не умею! Покупаю то, что есть!.. Вы в нашем магазине ещё не были?..

– ...Прошу! – вертлявый нарочито предупредительно распахнул дверь в сельмаг.

– Заведующего! – рявкнул Бандура.

Толстая молодница ответила из-за прилавка:

– На заседании... А вам чего?

Бандура не ответил. Он с изумлением смотрел на полки, где красовались вещи, неведомой волей распределителей попавшие в село. Здесь были яркие японские халаты и нейлоновая шуба, наборы дорогих духов, залежи импортных сандалет и даже... водолазный костюм.

– А сапоги?

– Нема, – развела руками молодница. – Обещают забросить...

– С прошлого года... – ехидно добавил вёрткий.

– А завмаг чем занимается?!

– Достает морской велосипед и клетки для носорогов, – издевался парень.

– И достанет! – уверенно согласилась продавщица, не уловив иронии. – Он любой дефицит достать может!

Когда вышли из сельмага, вёрткий обратился к Бандуре:

– Может, всё-таки купим?

– Что?

– Скафандр. Полезная штука в хозяйстве!

Он без улыбки смотрел на нового председателя, но глаза его издевательски хохотали.

Бандура решительно шагнул к нему:

– Разувайся! – и добавил, видя испуганное лицо парня: – Быстро!

Сынишка хозяйки хаты, где идёт совещание, забрался на печь. Оттуда с любопытством наблюдает за происходящим. В небольшой комнате довольно тесновато. Мальчик видит лысину инженера, устроившегося под самой печкой. А вдоль стенки, на доске, перекинутой через две табуретки, сидят бригадиры, сидят напряженно, очевидно, не всё у них гладко. Колхозный бухгалтер держит на коленях школьную тетрадку, готовый зачитать оттуда необходимые цифры. За столом восседает Сердюк и толстым, с обеих сторон отточенным карандашом отстукивает в такт выступающему. На единственном стуле, прислонясь к книжному шкафу, сидит новый председатель и слушает ораторов.

– Слово имеет Карпенко, – объявил Сердюк и на ухо Бандуре пояснил:

– Завмаг.

– Добре! – обрадовался Гриць Карпович.

Взбодрённый улыбкой начальства, завмаг начал говорить, уже с места.

– Что я могу сказать? Могу сказать, что со своей задачей мы справились. Как мы обеспечили население? Население мы обеспечили хорошо. Что я могу пообещать? Могу пообещать, что мы и дальше будем обеспечивать покупателей всеми дефицитными и...

Вдруг слова застряли у него в горле, лицо вытянулось, брови поползли вверх, а глаза с изумлением тупо уставились куда-то вниз.

Наступило молчание. В направлении взгляда завмага потянулись шеи всех присутствовавших. Упала из рук бухгалтера тетрадь, а Сердюк перестал дирижировать карандашом. Мальчишка чуть не свалился с печки, стараясь разглядеть то, к чему были прикованы взгляды собравшихся. И разглядел.

Из-под стола медленно выползла огромная босая нога нового председателя. Сам Бандура оставался невозмутимым. Втайне насладившись произведённым эффектом, он ласково сказал завмагу:

– Продолжай!

Но тот не мог продолжать. Пробормотав что-то невнятное, он попятился на место, не в силах оторвать взгляда от председательской ноги. А та угрожающе шевелила пальцами, не предвещая ничего хорошего!

В поле, возле остановившегося трактора, несколько человек смеются, слушая рассказ вёрткого паренька. Все внимательно осматривают, даже ощупывают председательские сапоги на его ногах. Сапоги, правда, великоваты, но вид имеют превосходный.

Тракторист, увидев в руках у вёрткого сандалеты, замечает:

– А свои ты ему пожалел?

– Да что ты! – замахал руками парень... У него нога знаешь какая? Во!

– И голова, видать, не маленькая! – добавил один из стоящих.

А сапоги уже бойко топают по лужам, волнующимся от первых капель весеннего ливня.

Крыша хаты, где идёт совещание, дрожит от потоков ливня. Бегут струи воды по стенам комнаты. Бригадиры вместе со своей лавкой продвигаются к середине, но и там не лучше. Протекает весь потолок. На печи тихо смеётся мальчик, наблюдая, как пытается увернуться от дождя лысина под печкой: увесистые капли настигают её всюду.

Карандаш Сердюка уже плавает в лужице на столе. Рядом стоит алюминиевая кружка, в которую с потолка ныряют капли.

Только дальновидный Бандура в полной безопасности. Он выдвинул верхнюю стеклянную дверцу книжного шкафа, и этот козырек охраняет его от грязноватых струй.

– Продовжуй! – спокойно говорит он Сердюку.

Тот, вздохнув, достаёт несколько папок с документами.

– Остались текущие дела. – Он встряхивает папки. С них течёт вода. – Относительно пенсий.

– Зачитуй!

Сердюк покорно начинает бубнить.

– Решено передать в райсобес дела Лягущенко, Дидковского, Бурлака...

– А что там с Бурлаком?

– Обыкновенное дело.

– Почитай.

Ровно и монотонно падает в кружку вода, ровно и монотонно начинает читать Сердюк.

– Бурлак Свирид Антонович. Родился в 1901 году. В белых армиях не служил. Родственников за границей не имеет... Во время Великой Отечественной войны партизанил. Свидетельство есть, но печатью не заверенное...

– Читай, читай далее, – подгоняет Бандура.

Сердюк продолжает так же ровно и монотонно:

– ...После войны работал трактористом... Сейчас уже пора на пенсию, но документов соответствующих не хватает...

Распахивается дверь, в комнату врывается Марта.

– Дедушка Свирид уезжает! К сестре в Саратов. Насовсем!

Бандура вскочил на ноги.

– Когда отходит курьерский?

Сердюк смотрит на часы.

– Через сорок минут.

Ничего не сказав, Бандура стремительно выбегает из хаты.

Фонтаны воды вырываются из-под колёс «газика». Подскакивают на ухабах сидящие сзади Бандура и Марта. Девушка благодарно поглядывает на директора.

...Вот уже замаячила впереди башня водокачки – это показалась станция.

– Успеет? – волнуясь, спрашивает Марта.

– Не опаздывал ни разу в жизни! – хвалится Бандура.

Вдруг машина споткнулась, затарахтела и стала.

– Свечи! – печально пояснил шофер.

Бандура рывком открыл дверцу.

– Куда же вы? – вскрикнула Марта вслед уже мчавшемуся по дороге Бандуре.

Поезд подошёл к станции и остановился, когда Гриць Карпович влетел на привокзальную площадь. Он перемахнул через ограду и зашагал вдоль состава. На перроне была обычная суета. Возле одного вагона Гриць заметил поднимающегося по ступенькам деда Свирида. Бурлак был в плаще, в руках держал самодельный сундучок с висячим замком.

– Свирид Антонович!

Старик вздрогнул, обернулся, но при виде председателя лицо его снова приобрело угрюмое выражение. Он резко отвернулся и протянул билет проводнице. Состав тронулся с места.

Чертыхнулся Гриць Карпович и начал проталкиваться к поезду. Но столько препятствий выросло на его пути! Дорогу преградил бесконечный состав вагонеток, нагруженных какими-то ящиками... Вот протянулся привокзальный базарчик, а дальше толпа кого-то куда-то провожающая. Когда, наконец, путь освободился, поезд был уже далеко.

Но Бандура не растерялся. Он поплевал на ладони, скинул пиджак и...

Вот уже он мчится за составом в трусах и майке, как Владимир Куц, нет гораздо быстрее Куца. Он догоняет поезд, перегоняет его...

Из окон небывалого бегуна приветствуют пассажиры, восторгаясь его подвигом. Невероятный прыжок – и чемпион в тамбуре. Отодвинув ошеломленного машиниста, он опускает какой-то рычаг, и поезд начинает двигаться в обратном направлении. Секунда – и он снова на станции. Дежурный не верит собственным глазам, сходит с ума и дико хохочет...

Нет, это хохочет Метелёв.

– Ну загнул! Ну накрутил!

– Не веришь?

– Нет. А сам-то ты веришь?

– И я не верю, – соглашается Бандура.

– Тогда давай правду!

– Слухай правду!

– Свирид Антонович! – кричит Бандура, перекрывая гудок паровоза.

Дед вздрогнул, обернулся, увидел председателя. И столько обиды было в его взгляде, что Гриць понял – уговоры бесполезны!

Рванулся он к поезду, но споткнулся и чуть не запрыгал от боли. Неудивительно – ведь он так и не успел обуться и примчался на вокзал босиком!

Бандура мгновенно оценил боевую обстановку: дед, поднимающийся по ступенькам вагона; дежурный, приготовившийся дать отправление; скучающий сержант милиции и собственные босые ноги... И пришло решение – простое и гениальное!

Несколькими прыжками он подскочил к милиционеру и дёрнул его за рукав.

– В чём дело, товарищ?

– Сапоги!.. Сташил... вон тот!

Бандура дрожащей рукой указал на деда.

Обстоятельства были туманны, но факты налицо: босые ноги Бандуры и исчезающие в дверях сапоги старика.

Через минуту в комнате дежурного находились ошеломлённый и возмущённый «задержанный» в сопровождении двух милиционеров, и Бандура, возбуждённо шагающий из угла в угол.

– Гражданин отрицает, – сказал Грицю Карповичу сержант.

– А вы что ж думали – сразу признается?!

Поезд ещё стоял на месте. Бандура решил тянуть время.

– Я сижу на скамейке, – изображал «пострадавший». – Он подходит. Я достаю газету.

Он садится.

Поезд медленно двинулся, а Бандура, по мере его движения, ускорял речь.

– ...Прочитал передовую, смотрю, нет сапога! Не подаю вида, жду, что дальше будет.

Прочёл последние известия – нет второго.

Он сидит. Я сижу. Прочёл сводку погоды – его нет!..

Поезд уже тарахтел далеко, а Бандура облегчённо вздохнул.

– Всё!

В кадре нога Бандуры, приставленная к дедовому сапогу.

Милиционеры и подошедший дежурный по станции сопоставляет размеры. Головка сапога приблизительно вдвое меньше ступни Гриця.

– М-да! – многозначительно протянул милиционер, поглядывая на Бандуру.

– М-да! – протянул Бандура и вынул из кормана кошелек.

– За такую маленьку брехню – содрать 5 рублей!

Он сидит рядом с шофёром в летящем «газике» и философствует. На заднем сиденье Марта и всё ещё возмущённый Свирид Антонович.

– И хитрая же ты бестия, председатель! – тихо произнёс он. – Ну и хитрая!

Он хлопнул впереди сидящего Гриця по плечу и этим как бы разрядил атмосферу. Все рассмеялись.

«Газик» весело подпрыгивал на ухабах.

Голос Бандуры:

– История весёлая, да не дуже весело мне было, когда я думал про деда. Ведь, если разобраться, всё село, да и я тоже, перед ним в долгу. Сел я и задумался, как исправить это дело, как отблагодарить пенсионера Бурлака за жизнь его, трудную, геройскую. Думал я день, думал другой... Месяц думал, год думал...

– Неужели год думал? – смеясь, спрашивает Метелёв.

– А неделю мало?

– Ну ладно, не обижайся. И придумал?

– Придумав! – гордо ответил Гриць.

– Что?

– Зараз побачиш!

За окном слышен гудок машины. Бандура смотрит на часы:

– Время!.. Ты готов?

– Так точно, товарищ старшина!

– Шагом марш!

Звучит марш, и они выходят.

Этот же марш звучит на улице возле хаты деда Свирида.

Играет самодеятельный оркестр, каких много в селах. Прицепив на спинах впереди сидящих ноты, гремят музыканты торжественный марш. Выглядят они соответственно моменту: очкастые старики занимают почётные места у необъятных сияющих труб; молодые хлопцы,

чуть не лопааясь от усердия, вытягивают верхние ноты из кларнетов. Даже женщина есть в этом оркестре и величественно восседает у ударных инструментов.

На призывные звуки музыки со всех сторон стекается народ.

В толпе пожилых слышатся неодобрительные реплики:

– Дурит новый председатель! И так на работу никто не ходит, а он праздник затеял!

– И когда? Среди бела дня!

– Ну и дела!..

Музыка оборвалась, как на параде при выезде командующего... К хате подкатил «газик».

Из него вышел празднично одетый Свирид Антонович и тут же от волнения споткнулся. Его поддержали сильные руки Бандуры и Метелёва и помогли подняться на веранду. Там их уже ожидал стол под красной скатертью и графин с водой.

Медленно поднялся над столом Бандура. Впервые видим его таким серьёзным и торжественным. Куда девались нескладность и расхлябанность? Как перед строем солдат, вытянулся он перед народом.

– Товарищи!..

Уже на этом первом слове голос его от волнения сорвался. Он потянулся за водой, но стакана на столе не оказалось. Заметив это, Марта побежала за ним.

– ...Товарищи! Я выступать и вообще брехать не люблю! Это мой друг Метелёв может вам подтвердить, бо он меня с детских лет знает!

Все взгляды обратились к Метелёву, и, чувствуя это, он сумел подавить невольную улыбку.

– Но в настоящий момент, – продолжал Бандура, – я решил выступить, бо начинаем мы дело небывалое в нашем районе и даже на всем земном шаре...

По толпе прокатилось оживление. Девушки на минуту перестали грызть семечки, парни с любопытством вытянули шеи.

– ...Вот сидит перед вами Свирид Антонович Бурлак. Вы все его добре знаете. Большую жизнь прожил он, и всю отдал людям... Нам с вами, значит... Мечтал он о светлом будущем, и не только мечтал, но и боролся за него со всяческими врагами, бандитами и прочими гадами...

... Снова потянулся к воде Бандура и снова не нашёл стакана.

– И вот, за жизнь его большую и трудную правление решило зробыть ему в нашем колхозе полный коммунизм!.. Зробыть ему то светлое будущее, за которое он боровся!

Минутная пауза, а затем раздались аплодисменты. Все начали громко разговаривать, ещё не полностью уясняя себе всей сути происходящего, но уже чувствуя, что оно вносит в их жизнь нечто значительное и небывалое.

Разгорячённый Бандура снова потянулся к воде, да проклятого стакана всё ещё не было. Тогда он махнул рукой и отхлебнул прямо из горлышка. Именно в этот момент вернулась Марта и поставила на стол стакан.

Кто-то недоверчиво спросил:

– А разве уже были указания насчёт коммунизма?

– Да! – твёрдо ответил Бандура. – Жизнь дала нам такое указание!.. Начнем с Бурлака, а потом постепенно охватим весь наш колхоз, а также район и дальше... включая все части света!.. С этой минуты Свирид Антонович становится первым человеком у колхозе и первым человеком у коммунизме!..

Грянул марш. Грянул, очевидно, преждевременно, потому что Бандура тут же прервал его и снова обратился к народу.

– А зараз начнём удовлетворять все материальные и духовные потребности Свирида Антоновича. Давай! – обернулся он к Сердюку.

Тот выступил вперёд и начал один за другим передавать деду Свириду ключи из большой связки. При этом он монотонно и нудно, как тогда на совещании, бубнил:

– От магазина номер один и номер два, с разрешением безвозмездно пользоваться всеми полученными подотчётными продуктами и промтоварами... От силосохранилища с разрешением безотчётно пользоваться вышеуказанными кормами... От ремонтно-тракторной станции с разрешением пользоваться в любое время дня и ночи всеми автомашинами, тракторами, комбайнами и запчастями... – И деловито завершил: – Пользуйся, Свирид Антонович, и хай тебе будет изобилие!

Снова заиграл оркестр. На этот раз председатель уже не прерывал его, потому что музыка была кстати. Торжественно и важно появился парнишка-монтёр, неся старый настенный телефон, какие сохранились только в сёлах. Следом двигалась группа мальчишек и, как шлейф, поддерживала разматывающийся за ним провод. В толпе послышались удивлённые восклицания:

– Гляди! Телефон купили!

– Тю, дурень! Телефон не покупают! Это председатель ему свой отдал.

– Выходит, дед Свирид теперь главнее председателя!

В это время телефон зазвонил.

Парень небрежно протянул было руку – снять трубку, но Бандура жестом остановил его.

– Свирид Антонович!

Дед Свирид подошёл к телефону, поправил галстук и торжественно снял трубку.

– Слушаю?!

Из трубки донеслось хриплое бормотание, и Бурлак несколько растерянно передал ее Бандуре.

– Из города... Вас просят...

Чей-то раздражённый голос хрипел в трубке:

– Слушай, Бандура, снова твои штучки!.. Снова мы обо всём узнаём последними! Почему не советуешься? Почему не ставишь в известность? Ну, погоди, мы с тобой ещё потолкуем!

Трубка щёлкнула и замолкла. Бандура спокойно повесил её и бодро соврал окружающим:

– Обижается, что не пригласили. Свириду Антоновичу передаёт персональный привет!

И снова грянул оркестр. Под руководством завмага на веранду вносят подарки от колхоза. Медленно проплыл в руках у Степана большой новый телевизор. С трудом двое здоровых парней втащили по ступенькам новую швейную машину. А вот и сам завмаг сопровождает ослепительную эмалированную ванну, озабоченно приговаривая:

– Осторожней!.. Дефицит!

В толпе пожилых оживление:

– Ну, теперь у Антоныча не жизнь, а малина!

– Лежи себе в ванне, да телевизор посматривай!

Вручение подарков окончено. Снова над столом поднимается Бандура.

– Предлагаю поднять над первой коммунистической хатой этот красный вымпел!.. Не забудь? – тихо спросил он у Метелёва.

Константин вспомнил окоп и кусок кумача, который его старшина прятал под гимнастёрку.

– ...Прошу оказать доверие и поручить подъём флага моему фронтовому другу – герою Константину Метелёву!

В толпе зааплодировали. Грянул оркестр, и флаг медленно поплыл вверх. Подтянулись люди на улице, посерьёзнили... Кое у кого даже невольно руки потянулись вверх: то ли честь отдать, то ли пионерский салют...

Знамя гордо заколыхалось над хатой. Смолк оркестр.

– От и всё, – улыбнулся Бандура. – А теперь, по случаю коммунизма – танцы!

...Маленький сельский клуб. На сцене играет уже знакомый нам оркестр. Поминутно хлопают двери. Это входят всё новые и новые девчата. Войдя, они деловито снимают испачканные грязные сапоги, ставят их к стенке и надевают принесённые с собой нарядные туфельки. О количестве танцующих девчат можно судить по бесконечной шеренге сапог, стоящих вдоль всех четырёх стен. А двери клуба хлопают снова и снова.

Вот девушки вытолкнули на середину деда Свирида, и он, помолодевший за этот день, закружился с Мартой.

...В паре с красивой молодежи торжественно проплывает Бандура.

– А крышу уже починили, – говорит вдова.

– Ещё бы! Я ж им сказал, что следующее заседание вновь у вас будет!

Мелькают пары. Подпрыгивают стоящие вдоль стен женские сапожки, как бы собираясь тоже пуститься в пляс.

В маленькой комнатке, за кулисами, стоят Бандура, Метелёв, дед Свирид и Сердюк. Курят. Сюда доносится музыка. Её заглушает громкий голос Сердюка.

– Как хочешь, Гриць Карпович, а я тебе в глаза скажу: непорядок это!.. Вчера тридцать человек на работу не вышло, позавчера – тридцать пять, а семена под открытым небом лежат. А к вечеру дождь будет! А ты – танцуешь, вместо того чтобы людей на погрузку согнать!..

– Розумиеш, Федор Андреевич, не умею я людей «сгонять». – Бандура спокойно затаился. – Коров, чи там коз – могу, а людей – не умею!

– Но до вечера семена пропадут!

– Значит, треба вывезти, – так же спокойно ответил Бандура.

– Может, ты их прямо с танцев на погрузку поведёшь?

– Спробую. – Бандура аккуратно погасил папиросу и бросил её в урну.

– Смеяться будут! – предостерегающе крикнул Сердюк.

– Посмеёмся вместе. – Бандура шагнул к двери, но его остановил дед Свирид.

– Стой, Гриць Карпович!.. Разреши мне!.. А нет – возьму лопату и сам до утра грузить буду!

– Не горячись, Антоныч! – усмехнулся Сердюк. – Тебе теперь не работать!.. У тебя – коммунизм! Отдыхай, наслаждайся...

В прищуренных глазах деда Свирида вспыхнула ярость:

– А на хрена мне такой коммунизм, чтоб я на печи лежал!.. Пусти! – Он отодвинул Сердюка в сторону и решительно толкнул дверь.

Музыка, доносившаяся из зала, прервалась. Наступила пауза. Там, за дверью, дед Свирид разговаривал с молодёжью. Бандура и окружающие напряжённо ждали.

– Ни за что не пойдут! – убеждённо произнес Сердюк. – Я наших людей знаю!

И как бы в подтверждение его слов за дверью снова зазвучал вальс.

Наш взгляд скользит по залу. Вальс продолжает звучать, но музыкантов нет. Мы видим покинутые инструменты.

Опершись о стенку, задумчиво стоит виолончель; в раскрытых футлярах, прижимая к груди смычки, лежат скрипки; надувшись от обиды, повисла на спине стула важная труба; а рядом, свесив палочки, сидит барабан, на котором белеют пудреница и зеркальце, забытые хозяйкой.

По-прежнему звучит вальс, но никто не танцует: зал пуст, только вдоль стен бесконечная шеренга разноцветных нарядных туфелек. На том месте, где недавно стояла такая же бесконечная шеренга забрызганных грязью сапог...

С первыми петухами поднялся Метелёв на следующее утро. Бандура провожал его по той же улице, где вчера гремел оркестр.

Одна за другой хлопали калитки – это люди шли на работу.

Прохладный утренний ветерок заставлял друзей поёживаться.

Они вышли на окраину села, где дорога проходила мимо вспаханных полей. Земля была сырой и мягкой, Гриць набрал её полную горсть.

– Сеять пора! – И стал пересыпать в другую руку, но только вместо земли посыпалось из его руки золотое зерно.

– Будет, будет урожай... Пойдут хлеба!.. – мечтал Бандура, рассыпая зерно по пашне.

И на глазах у Метелёва пошли из-под земли стебли, выросли и поднялись колосья, волнуясь под ветром, заплесала пшеница.

Где-то исчез за этой качающейся высокой стеной Бандура, и только голос его всё звучал в ушах:

– Будет пшеница!.. Хлеб будет!..

– ...И хлеб будет. А пока получай печенье!..

Снова окоп. Метелёв передаёт Нине пачку печенья. Он напряжённо смотрит в сторону домика, потом переводит взгляд на часы.

– Пора бы...

– Орёл!.. Орёл!.. Я – Ласточка... Приём... – по-прежнему вызывает кого-то Нина. Неожиданно в наушниках звучит музыка.

– Гилельс мешает!..

Продолжает звучать музыка в наушниках. Задумчиво говорит Нина:

– Раньше мама просто силой заставляла меня играть... А теперь!.. Кончится война, сяду за рояль – никто не оторвёт... И буду пианисткой!.. Вечер, сцена, аплодисменты!..

– А контрамарку мне на концерт?

– Если придёшь с цветами.

По траншее пригнувшись прошёл капитан. Бросил на ходу:

– Осталось тридцать минут!

– ...А почему ты мне цветов ни разу не дарил? – спрашивает Нина.

– Зима ведь была...

Взрыв. В траншею вваливается военфельдшер Бродов.

– Бьёт, проклятая!.. – отряхнув шинель, он повернулся к Нине и Метелёву.

– Что здесь делают боги войны?

– Ждут кукушку.

– Как рука?

Вместо ответа Метелёв несколько раз согнул руку в локте и стукнул его по плечу.

– Нормально, – потирая плечо, констатировал Бродов и, устроившись в глубине траншеи, начал возиться над сумкой с медикаментами.

Издалека слышалось кукование кукушки.

Нина:

– Пора!

Метелёв помог ей укрепить рацию. Она подошла к брустверу. Обернулась.

– Счастливо оставаться!.. – и добавила тихо, уже одному Метелёву: – А если тебе неудобно с цветами, приходи так... Только приходи!

– Приду!

Через семнадцать лет.

Новый, строящийся посёлок... Времянка стройуправления. Рядом перекосившаяся телефонная будка. В ней Метелёв. Снимает телефонную трубку, набирает номер.

– Коммутатор слушает.

До боли знакомый голос. Все приготовленные слова разом исчезают.

- Я – Голубь... Я – Голубь... Перехожу на приём.
- Пауза. И вдруг голос Нины.
- Ласточка слушает... Ласточка слушает... Откуда вы?
- Я из четвёртой роты, из сорок третьего года.

Взволнованные встречей, они идут по центральной и пока единственной улице поселка. Здесь все знают друг друга. На них обращают внимание.

Глаза Нины радостно блестят. Весенний ветер развеивает её простенькое пальто... Она улыбаясь, такой он мечтал её увидеть все эти годы.

Они останавливаются у двухэтажной кирпичной школы. Из приоткрытого окна на втором этаже звучит фортепьяно. Лётся мелодия романса Рахманинова «Весенние воды».

- Тамара играет! – гордо говорит Нина.

Но играет не Тамара. У инструмента Вера Петровна, учительница музыки, женщина лет сорока... А Тамара, порывистая пятнадцатилетняя девчонка, внимательно следит за пальцами учительницы.

Та прервала игру и повернулась к девочке.

- Вот. А дальше у тебя неплохо.
- Если б я не волновалась!
- А ты волнуйся! Обязательно волнуйся!
- И завтра на концерте?
- И на концерте!

Тамара выглядывает в окно и замечает Нину.

- Мама!

В пальто, накинутом на плечи, с папкой нот под мышкой, вихрем, перескакивая через несколько ступенек, она мчится по лестнице. У входа её ожидает угрюмый паренёк. Она ткнула ему папку и помчалась к матери.

- Знакомься, – говорит Нина. – Это мой друг Константин Метелёв.

Девочка, улыбаясь, протягивает руку.

– Тамара... А я вас знаю! Мама говорила... Извините! – Она внезапно повернулась и зашептала ей на ухо:

- Идти или нет?
- Куда?
- В кино. С Добкиным из седьмого «Б».

Нина пожала плечами.

- Если он пригласил...

За углом маячил недовольный семиклассник.

- Я побежала! – на ходу прокричала девочка.
- Хороша? – спросила Нина, провожая её взглядом.

– Да. Только на тебя не похожа. – Но, увидев, что это огорчило Нину, добавил: – Может, я ошибаюсь...

Вдруг Тамара снова оказалась рядом.

- Мама, у него нет денег.

Нина, рассмеявшись, достала из сумочки пятёрку.

- Пусть он тебе и мороженое купит.

Дочь расцеловала её и вприпрыжку помчалась к Добкину.

Комната Нины находилась в одном из деревянных бараков на краю поселка. Стоило хозяйке с гостем ступить на порог, как откуда-то сверху свалилась кошка и с диким воем

выскочила в коридор. Люстра раскачивалась, как маятник. Сооружённая из стульев катапульта с громом развалилась, скинув попутно вазочку с буфета.

– Что это значит? – строго спросила Нина.

Виновник беспорядка, шестилетний мальчуган, невозмутимо смотрел на вошедших, не вынимая изо рта исцарапанного пальца.

– Из неё Лайки не выйдет. Она нарочно на орбиту не выходит!

– Алик, мне уже надоело тебя наказывать!

– Знаю, – сочувственно вздохнул малыш.

– Становись! – Нина поставила его в угол.

– В этот не хочу!

Она поставила его в другой.

– Тут раскладушка!

– Поместитесь!

Наскоро приводя комнату в порядок, Нина говорила Метелёву:

– Глеб на островах, вернётся к ночи... Пообедаем сами...

Его зовут Глеб. Он – её муж. Ну что ж!.. Так и должно было быть... И нечего удивляться...

– Чем он занимается? – тихо спрашивает Метелёв.

– Кто?

– Твой Глеб.

– О-о! Он большой человек! Смотри! – она указывает в направлении окна. Метелёв посмотрел на громадный подъёмный кран неподалеку от барака.

– Да нет... – засмеялась Нина. – Вот!

Оказывается, она говорила о другом. На подоконнике стояла большая банка, где в мутной воде плавала какая-то рыбёшка.

– Его работа! – гордо сообщила Нина. – Шесть лет выводил!

– Эту тюльку?

– Что ты?! Это малёк новой рыбы. Гибрид осетра и белуги. Ты любишь белугу?

– Ненавижу рыбу.

– А рыбий жир?

Это спросил Алик.

– В углу не говорят! – строго заметила Нина.

– А я вышел из угла.

– Вот и вернись!

Малыш покорно поплёлся обратно.

Метелёв механически вертел очки, лежавшие рядом с банкой.

– Ну вот! Он снова забыл очки! – всплеснув руками, сказала Нина.

Она ушла в кухню готовить обед. А Константин молча осматривал их жильё. Скромная, очень скромная обстановка. Никелированная кровать, застланная полосатым одеялом; старомодный диван со спинкой, простой шкаф. В углу раскладушка. Её, должно быть, ставят на ночь... Старенькая швейная машина. Наверное, Нина сама шьёт себе и детям... На спинке кровати сушатся мужские рубашки... Верно, сама стирает... этому, который разводит тюльку и забывает очки.

Взгляд Метелёва возвратился к мутной банке. Грустно стоит он в углу комнаты. В другом углу стоит печальный Алик. Вдруг он обращается к Константину:

– Дядя!.. Возьмите меня на поруки.

Метелёв рассмеялся от неожиданности:

– Выходи! Под мою ответственность!

Вечер. В том же углу стоит снова напраказавший Алик.

За столом Нина и Константин. В распахнутом пальто влетает возбуждённая Тамара.

– Почему так поздно? – спрашивает мать.

Тамара молча раздевается.

– Что случилось?

Девочка поднимает глаза на Метелёва, мол, не могу при нём.

– Здесь нет чужих.

– Пообещайте, что не будете смеяться! – просит Тамара.

И, набравшись храбрости, выпаливает:

– Добкин меня любит! Он сам сказал! И я тоже! В общем, у нас первая любовь!

Взрослые всё же улыбнулись.

– Ну вот! – обиделась девочка.

– Ты не обижайся, – мягко говорит Нина. – Просто, первая любовь часто бывает несерьёзной. А настоящая приходит позже.

– А вдруг первая и есть настоящая. На всю жизнь? Так бывает?

Она переводит взгляд с Нины на Метелёва.

– Бывает, – отвечает тот.

Девочка стоит между ними и растерянно спрашивает:

– Что же теперь делать?

– Пей чай! – советует Нина.

– Не могу. Добкина в кино не пустили, придрались, что до шестнадцати... Так он все деньги на мороженое потратил, меня угощал...

– В марте? С ума сошли! – рассердилась Нина.

– Становись в угол! – вмешивается Алик.

Поступок мальчика заставил всех улыбнуться. Он устроился на коленях у матери, а Тамара охотно заняла его место.

– Добкин требует, чтобы я завтра же дала ответ!.. Я теперь ни за что не засну. Всю ночь буду думать...

Ночь. На раскладушке сладко и безмятежно спит Тамара. Посапывает уставший за день Алик. На коротком диванчике, с подставленным под ноги стулом, лежит Метелёв. В кровати Нина. Они не спят.

– А контрамарку? – тихо говорит Константин. – Мне на концерт?..

– Если придёшь с цветами... – шепчет Нина.

– Помнишь?!

Вместо ответа она, приподнявшись на локте, чуть слышно напевает:

Нарушая привал наш недолгий,
Соловьи вдруг запели некстати.
А девчонка в сибирском посёлке
Всё грустит о далёком солдате.

Пауза. Оба лежат с широко открытыми глазами. В глазах Нины – задумчивость и воспоминание, в глазах Константина – надежда, радость, решимость.

Светает. Звучит мажорная мелодия, мелодия встречи. По широко разливавшейся реке плывёт лодка. На веслах парнишка лет четырнадцати, в ватнике и сползающей на глаза отцовской фуражке. На корме Метелёв. Он счастлив. Ещё бы! Ведь рядом с ним его Нина. Всё дальше уходят домики на берегу, всё громче звучит радостная мелодия.

Скорей, скорей, плыви, лодка! Уноси их вдаль от этого посёлка, так жестоко вставшего между ними. Беспокойно оглядывается Нина.

- Зря волнуетесь! – успокаивает её паренёк.
- Что ты, Павлик!.. Такой ливень!.. всю ночь! И моторка его не нашла!..
- Островов-то больше сотни... Попробуй найди!
- Такого разлива никогда не было!
- Это факт. Глебу Петровичу сейчас самая работа. Карась на нерестовища пошёл...

При упоминании имени Глеба Петровича мелодия смолкла. А впрочем, никакой мелодии и не было. Всё это Метелёву только почудилось.

Задумчиво усмехнулся он, глядя на бегущую воду.

Нина удивлённо на него посмотрела.

- Забавно. Ты везёшь мужу очки, а я ему везу тебя...
- ...чудной он карась. И хитрый!.. – разглагольствует парень.
- Я ведь просила тебя остаться!
- И пустить тебя одну?!
- ...карась он всюду носом тычет, потому что любопытный!

С неожиданной злостью Константин оборвал парня:

– Хватит!.. Надоело!..

Секунду гребец изумлённо смотрит на Метелёва, затем решительно кладёт весла.

– А ну, вылазь! – Он величественно указывает на середину реки – Тебе говорят!

– Павлик!.. – вступилась было Нина.

– Пусть вылазит! – Парень сорвал с головы фуражку и с размаху бросил её на дно лодки. –

Кто рыбу не любит – последний человек!

– Он пошутил, – уверяет Павлика Нина.

Парень неумолим, и лодку быстро относит вниз по течению.

– Костя! Он упрямый!.. Скажи ему, что ты любишь рыбу... Пожалуйста!

– Люблю! – чуть не рывкнул Метелёв.

– Чего? – не понял Павлик.

– Рыбу люблю!.. Пиявок люблю, лягушек, головастика!

– А Глеба Петровича?

– Всех люблю! И тебя люблю!.. Гребь!

– Другой разговор!

Скрипят уключины, плывет вверх по реке лодка. Все молчат. Павлик подозрительно поглядывает на Метелёва.

– Карась всегда наверху держится, – говорит парень, проверяя, побеждён ли «противник».

Метелёв молчит.

Тогда Павлик задиристо продолжает:

– У него ж мозги работают!

Сжав зубы, молчит Метелёв.

А Павлик уже кричит победно:

– Рыба, вообще, умней всех животных!

Молчит Константин. Еле сдерживает смех Нина.

Они идут от реки вглубь берега и оборачиваются на далекий окрик. С раскачивающейся лодки орёт, размахивая фуражкой, Павлик:

– Эй, дяденька-а-а! Приезжа-ай! Я тебя ещё покатаю!..

Лодку качнуло, и Павлик упал.

Переглянувшись, Нина и Константин наконец расхохотались.

Вдоль берега по скользкой глине и глубоким лужам ползут два бульдозера. Нина и Константин преграждают им дорогу. Первый бульдозерист медленно выбирается из кабины.

– Подбрось к дороге! – просит его Метелёв.

Не ответив, парень идёт советоваться к напарнику. Их краткого разговора не слышно. Но возвратившись, парень глухим баском сообщает:

– Некогда. Выговор получим.

– Послушай, я заплачу! – и Метелёв достает бумажник.

Парень отправляется за консультацией к другу. Вернувшись, он флегматично заявил:

– С ума сошёл. Тут тебе не Америка.

– Вот чурбан! – возмутился Константин. – Ты же видишь, что делается... Она же не пройдёт пешком!.. – Невозмутимая физиономия парня бесит его.

– Эх, дал бы я тебе!

Парень уходит к напарнику и, проинструктировавшись, возвращается.

– Только попробуй.

Метелёв обессиленно махнул рукой.

Бульдозер, зарывав, тронулся с места.

– Стой!

Быстрым движением Нина преградила ему путь.

Парень едва успел рвануть рычаг. Машина резко затормозила. А перепуганный бульдозерист уставился на женщину изумлёнными глазами.

– Прошу вас, – мягко сказала Нина. – У меня муж на островах... Я очень волнуюсь... Только до дороги... – и добавила тихо, но твердо: – Я вас всё равно не пушу!

Растерянный парень собрался было снова бежать к наставнику, но тот, привстав, сделал жест, означающий согласие. Тогда парень повернулся к Нине и повторил этот жест.

Оба бульдозера стоят у дороги, по которой удаляются Нина и Константин.

Первый паренёк несмело окликает «наставника».

– Поехали, Гриш... Некогда... Выговор получим...

– Эх ты, попугай!.. – Второй задумчиво смотрит вслед Нине. – Видно, стоящий мужик, раз такая женщина его любит!

Они идут по дороге, подгоняемые порывами пронизывающего ветра. Вскоре их догнал выдавший виды автобус. Нина замахала руками. Проехав немного вперед, машина нехотя остановилась.

Когда Нина и Константин вошли, шофёр доругивался с одним из пассажиров, рыжим задиристым парнем.

– Чего ты раскричался?

– Поработал бы с моё!..

– Так люди ж просят!

– Поговори, поговори, я тебе это припомню!.. Тунеядец!

В автобусе ехали рабочие, усталые, небритые, измазанные в глине. Они не принимали участия в перебранке, многие сидя дремали. Нина с Метелёвым встали у задней стенки, где прыгали грязные лопаты и кирки.

Паренёк, сидевший рядом с рыжим, хотел уступить Нине место.

– Сиди! – одёрнул его рыжий. – Заслужил! Трое суток из грязи не вылезил. Нам аврал, прорыв, а им – весенние прогулочки... Тунеядцы!

Нина не обиделась. Её волновало другое.

– Как вода?

– Прибывает, – ответил кто-то из пассажиров.

– Муж у меня там... на островах, – ни к кому не обращаясь, сказала Нина.

- Он кто?
- Рыбовод. Романчиков фамилия.
- Романчиков? – обернулся один из рабочих. – Маленький такой, шустрый?
- Знакомы? – живо спросила Нина.

– Ещё бы! Змей очкастый! – У него был хриплый, резкий голос. – Прошлым летом я на поймае работал. Продуктов не подвозили, одна консерва. А рядом – пруд, рыбы, во! Ну а у нас тол. Мы по шашке в карман, и айда вчетвером. Взяли лодчонку – плывём. Только рванули – наперерез лодка. А в ней – он! – Рассказчик кивнул в сторону Нины: Следил за нами в очки, зараза! Гребёт, портфелем машет и кричит: «Стой, стрелять буду!»

- Пистолет был? – спросил кто-то.
- Нет. На пушку взял!

Переваливаясь на размытой дороге, идёт автобус. Все на тех же местах. Только парень стоит, освободив Нине место.

- Нет, нет, сидите! – говорит она. – Нам до Ельцовки только.
- Ого! – встрепенулся рыжий. – Это от дороги километров десять!
- Я доброшу! – бойко вызвался шофёр, но рыжий накинулся на него:
- Что? Ты поговори, поговори! Я те подброшу!

В это время рассказчик продолжает свою историю:

– Выволок, значит, нас на бережок. Достает из портфеля бумагу, протокол пишет... Убытку, говорит, тысячи на две!

- Ого!
- И за что?! – продолжает рассказчик. – Хотя бы рыба была, а то... Шпроту видел?
- Ну?

– Так шпрота против неё кит! Да-а... А он (снова кивок в сторону Нины) – толкует, что ей цены нет! Словом, до сих пор в день получки его вспоминаю.

- Вычитают?
- Ага... Алименты. На рыбьих детей.

Рассказчик снова взглянул на Нину:

- Женщина вроде ничего, а муженька выудила...
- А по-моему, парень правильный, – перебил его рыжий, – один на четверых пошёл!
- Живодёр! Штраф содрал...
- А ты думал, к ордену тебя представят?! Человек, может, в того малька душу вложил, а ты шашкой!... Тунеядец!

Большинство пассажиров явно на его стороне.

Автобус остановился.

- Ельцовка направо. Выходите! – сказал шофёр.
- Ты чего? – взъярился рыжий. – А ну, поворачивай!
- Так десять километров... Сам кричал.
- Ты поговори, поговори, я те крикну!

Автобус поворачивает на Ельцовку. Рыжий поднимается со своего места, становится рядом с парнем, поворачивается к Нине:

- Сели бы, а?

Снова покачивается автобус. Стоят уже все, кроме рассказчика.

- Садитесь!..

Нина не выдерживает и, рассмеявшись, садится. Тогда все радостно тоже начинают рассаживаться, но машина рывком останавливается, чуть не сбив всех с ног.

- Ельцовка! – кричит шофёр.

Проливной дождь, Нина и Метелёв идут по лесной просеке.

Дождь кончается. Они выходят к добротному домику лесника. На крыльце женщина лет сорока пяти, крепкая, круглолицая, с узкими цепкими глазами. Она мельком глянула на Константина и долго, настороженно смотрит на Нину. Метелёв поздоровался. Женщина, не отрывая взгляда от Нины, спросила сухо:

– Ко мне?

– Нам лесник нужен, – ответил Константин.

– Ну заходите! – сказала женщина и скрылась в доме.

Нина стояла, видимо, решая какую-то трудную для себя задачу. Наконец набралась смелости, вошла в дом.

Женщина, скрестив на груди руки, глядела на них враждебно. Потом вдруг неестественно рассмеялась.

– Ну и вид у тебя! Словно курица мокрая!

Нина действительно выглядела довольно жалко. Промокшая насквозь одежда прилипла к телу. На пол стекала вода.

– Переодевайся! – величественно произнесла хозяйка и распахнула дверцы большущего шкафа, набитого тряпками.

Нина стояла молча. Метелёв решил, что она ждёт, когда он выйдет, и вышел. За домом, возле сарая, кто-то, очевидно, лесник, распрягал лошадей. Константин направился к нему.

А в доме шёл напряжённый негромкий разговор. Нина так и не переоделась. Она, сидя у зеркала, приводила в порядок волосы. Говорила хозяйка:

– ...я с Глебом счастья не видала. Потому и ушла. Неласковый он...

– К вам неласковый! – поправила Нина.

– Ко мне. Да я ведь не хуже других! А с таким какая баба уживётся? Ему вобла жены дороже. В пруду ему жить, не в доме! Одно слово – малахольный!.. Ты не злись; сама, поди, с ним горя хлебнула!..

– Нет! Мы хорошо живем. Дружно. А вы... – Нина хотела сказать что-то резкое, но хозяйка заговорила примиряюще:

– Ну ладно... Бог с вами – живите! Нет у меня зла ни к тебе, ни к нему. Одного только не прошу – дочку отнял. Я, когда с Николаем сошлась, сгоряча решила – ну и пусть! Перемелется! А оно не перемалывается. Наоборот, чем дальше, тем больней. Тяжело мне без Тамарки. Как она там, доченька моя родная?..

Крупным планом лицо Метелёва. – Он всё слышал. Он стоит на крыльце, взявшись за ручку двери, не решаясь войти.

А разговор продолжается.

– Поздно вспомнили! – сухо говорит Нина.

– Живёте вы, слыхала, небогато.

– Не жалуемся.

– Заберу я её у вас!

– Не отдадим.

– Суд есть. Я мать всё же... Родная!

Метелёв решительно открывает дверь. Разговор обрывается.

Хозяин допил чай, помолчал и важно сказал:

– Не выйдет.

Они сидели за столом вокруг самовара.

– Как же быть? – спросила Нина.

– Отдохнуть. А потом – обратно! До большака довезу, а там кругом, на попутной.
– Что вы? Долго!
– А болотом нельзя! – рассердился лесник. – Сейчас там топь! Дождь сутки льёт. Что вас туда гонит?
– Муж у неё там, – не без иронии заметила хозяйка.
Но лесник не разделял её настроения. Он внимательно посмотрел на Нину.
– Во-он что! Н-да... – И вдруг, отбросив неприступность, спросил: – Силёнок-то хватит?
Нина радостно кивнула в ответ. Тогда он снова сухо бросил жене:
– Сапоги достань!
Хозяйка неохотно достала две пары резиновых сапог.
– А тебя не пушу! – заявила она мужу.
– Че-го? – протянул лесник.
– Нечего тебе там делать!
– Муж ведь!.. – начал было объяснять он, но взглянув в её упрямые, узкие глаза, только махнул рукой: – Да что тебе толковать? Ты б ко мне не помчалась!
– Тьфу, малахольный! – бросила ему вслед женщина.

Они идут по болоту, впереди лесник, за ним Нина, дальше Метелёв. Снова льёт дождь.
– Нина! – позвал Константин. Она задержалась. Лесник был впереди, и Метелёв произнёс:
– Я ведь тогда ошибся.
– О чём ты?
– О Тамаре. Она очень на тебя похожа.
Нина не обернулась. Лёгкими, радостными шагами догнала она лесника.

Маленький зал едва вмещает зрителей. Взволнованная и напряжённая, Тамара робко касается клавишей. И по залу разливаются громкие, радостные звуки весенней мелодии. Тамара играет всё уверенней, вдохновенней. У самых дверей стоит нарядный Добкин, смущённо пряча за спиной завёрнутый в газету букет.

Снова берег реки. Здесь начинается строительство плотины. У костра на толстом бревне сидят Нина и Константин и сушат одежду. К ним направляется маленький, круглый человек. Ещё издали он кричит:

– Всё в порядке! С вертолёта сообщили: он уже на борту. Через несколько минут будет здесь!
– Спасибо! – сказала Нина и вдруг по-детски разревелась, уткнувшись в плечо Метелёву.
– Что вы!? Зачем? – растерялся толстяк. – Ведь он даже ног не промочил!..
– Я не потому. – По-детски всхлипывая, она вдруг сказала Метелёву: – А мы квартиру получим... осенью!

Подшли двое рабочих.

– Ребята приглашают вас позавтракать, – сказал один.
– Пожалуйста! – и второй помог Нине подняться.
– Спасибо, но мы... – начал было Константин, но Нина перебила его:
– Пойдём.

Они подошли к группе рабочих, сидевших возле ящика, покрытого газетой. На ящике лежали хлеб, масло и нарезанная на куски рыба.

– Угощайтесь! – сказал Метелёву пожилой рабочий. – Такой рыбки нигде, кроме как у нас, не попробуете...

– Вкусно! – Константин ел рыбу с аппетитом.

– Костя, а ведь это – тюлька! – сказала Нина, и глаза её лукаво заблестели.

С рёвом приземляется вертолёт. Из кабины кто-то машет рукой. Перескочив через ручей, Нина бросается к вертолёту. На ходу оборачивается. Далеко позади, по ту сторону ручья, остался Метелёв.

– Костя!.. Что же ты?.. Идём, я вас познакомлю!

Он медленно качает головой:

– Не надо. Я пойду. Счастливо оставаться!..

И в это мгновение маленький ручеек начал разливаться всё шире и шире, и вот уже широкий весенний поток разделил Нину и Константина.

Шумит и плещет вода.

Снова траншея. Шум, журчание, свист в наушниках рации. У рации – молодой солдат-связист.

– Ласточка... Ласточка... Я – Голубь... Приём... – вызывает он Нину.

Взрыв. Продолжает бить батарея.

Неожиданно в наушниках хрипло зазвучала немецкая речь.

– Это что? – спросил Константин у Бродова.

– Геббельс.

Он оторвался от своих медикаментов и свободно перевёл:

– «Раненых в плен не брать... Расстреливать на месте...»

– Ласточка... Ласточка... Я – Голубь...

– Вир марширен гут, – неожиданно произнес Метелёв. Бродов удивлённо посмотрел на него.

– Это всё, что я со школы помню. А у тебя талант. Шёл бы по этой линии. Профессором тебе всё равно не быть.

– Это почему?

– Солидности не хватает.

У рации вдруг встрепенулся связист.

– Ласточка!.. Ласточка!.. Я – Голубь! Слышу вас хорошо! Как слышите? Приём. – Метелёв и Бродов бросились к рации. Далёкий голос Нины звучал в наушниках:

– Голубь!.. Голубь!.. Я – Ласточка. Слышу хорошо. Цель вижу ясно. Для вас ориентир три, вправо двадцать, дальше...

Вдруг что-то щёлкнуло, закрипело, и голос умолк. Связист лихорадочно завозился у рации.

– Ласточка!.. Ласточка!.. – Ответа не было.

Бродов рванулся к брустверу.

– Куда?! – преградил ему дорогу Метелёв.

– Но там Нина, Бандура!.. Что-то случилось!

– Тебе там нечего делать... Ты – врач!

– Я – врач, и я должен быть там.

– Назад! – преградил ему дорогу Константин. – Пойдёшь под суд!

– Потом! А сейчас я пойду туда!

– Назад! – рука Метелёва рванулась к кобуре.

Бродов шагнул к другу, положил ему руку на плечо и тихо, но твёрдо произнёс:

– Убьёшь – мёртвым пойду!

Его не остановить. И Константин понял это.

– Ты же не знаешь рации!

– Но этим-то я смогу пользоваться! – Василий вытащил у Метелёва из кармана ракетницу, подбросил её на руке и вдруг озорно произнёс:

– Эх, и бабахну! Как на Красной площади! – и перевалился через бруствер.

– Эх, Васька, Васька, не быть тебе профессором! – с невольной улыбкой произнёс ему вслед Метелев.

– Профессор на заседании. Увидеться с ним невозможно.

– На фронте профессор делал невозможное. Авось и сейчас удастся.

– Ну что ж... Идите!.. Конференц-зал на втором этаже.

Метелёв поднимается по широкой лестнице института, проходит по просторному коридору, со стен которого свысока смотрят на него величайшие лекари всех времен.

Константин у входа в конференц-зал. Оттуда звучит отрывистая немецкая речь, так похожая на ту, в окопе. Взгляд Метелёва скользит по лицам солидных учёных, восседающих в президиуме, и останавливается на постаревшем, вернее, повзрослевшем лице Бродова. Василий сидит рядом с немецким учёным. Тот во время доклада часто обращается к нему: ведь русский врач прекрасно понимает без переводчика.

Почувствовав на себе взгляд Метелёва, Бродов беспокойно оглянулся и застыл поражённый.

– Здравствуй, Василий, – глазами говорит ему Метелёв.

– Здравствуй, Константин, – так же молча отвечает Бродов. На лице его радостное изумление. Он рванулся к другу, но Метелёв жестом останавливает его:

– Нет, нет, сиди!.. Я ведь к тебе надолго.

Отдалился голос немецкого учёного, затих шёпот переводчиков. Слышен только бессловесный, задушевный разговор глазами.

– Ты прости, что я не могу сейчас освободиться, но сам видишь!..

– Я не обижаюсь. Ведь ты – великий учёный!.. Да, да, не маши рукой!.. Ты – великий учёный, гордость нашей роты, гордость нашей Родины!..

– Ты не то говоришь, не то!.. Это оставь газетам... Вспомни лучше ту ночь... Эх, скорей бы кончал этот немец!

– Пусть говорит, ведь он тебя так хвалит!

– Лучше б ругал, да покороче!.. Расскажи мне о... Нет! Об этом надо вслух...

– Ты прав... Я пойду. Буду ждать дома.

– Только не вздумай исчезнуть!

Улыбнувшись другу, Метелёв начал пробираться к выходу. И снова зазвучала немецкая речь. Девушка, оказавшаяся возле Константина, восторженно переводила окружающим:

– «...Опыты над животными прошли блестяще, и я нисколько не сомневаюсь в победе Бродова над раком...»

Эти слова покрылись аплодисментами.

В вестибюле института, по радио, эти аплодисменты звучат бурной овацией.

Радиорупоры на улицах разных городов мира разносят сообщение:

– ...Опыты над животными прошли блестяще!

– ...Эффективный метод русского профессора!

– ...Рак отступает!

– ...Профессор Бродов бросил вызов неизлечимой болезни!

Последняя фраза звучит из приёмника, возле которого в удобном кресле устроился Метелёв.

– И сидел на сквозняке?

Это говорит Анна Алексеевна, мать Бродова, еще довольно стройная и подвижная женщина. Они находятся в просторной гостиной с натёртым до блеска паркетом.

– Он совершенно не бережёт себя!.. Представьте: в такую сырость не надевать галоши!.. Ни за что!.. Он их ненавидит!.. И чего добился?! Уже два раза ангиной болел, пять раз гриппом, а один раз даже корью... Не удивляйтесь, ведь он – мальчишка. Как был, так и остался!

Она сняла с комода и протянула Константину фотографию, на которой были изображены два молодых человека. Один степенно сидел на стуле, а второй, взгромоздившись сзади, пальцами делал ему рожки.

– В день выпуска... Рядом его друг – Виктор, Виктор Сергеевич... Это – настоящий учёный! А мой... – Она распахнула дверь в кабинет. – Полюбуйтесь!

На письменном столе лежали боксёрские перчатки. С крюка, вделанного в потолок, свисала кожаная груша для тренировок.

– Это кабинет учёного?! Это Лужники! – Она надела перчатки и продемонстрировала несколько боксёрских движений. – Каждое утро... Как хулиган! А Виктор Сергеевич играет в пинг-понг!

... Дверь в гостиную распахнулась от резкого толчка. На пороге стоял Василий. Он глубоко и часто дышал, видно, мчался по лестницам. Пальто – расстёгнуто, в руках – авоська.

– Мама! – ещё из передней прокричал он и вручил подбежавшей Анне Алексеевне авоську, едва не лопнувшую от набитых в неё продуктов. – Пир на весь мир!

– Костя! – Он рванулся к другу и порывисто обнял его.

Так и постояли они несколько секунд, не произнося ни слова.

– Ноги! – угрожающе произнесла Анна Алексеевна.

Василий послушно пошел снимать туфли. А она, вытирая тряпкой пятно на паркете, произнесла со вздохом:

– Вот!.. А Виктор Сергеевич носит галоши!

...Та же комната. Друзья пообедали. Курят.

– Помнишь, как ты мечтал о такой яичнице? – с улыбкой спрашивает Бродов. Метелёв кивает. – А как потом объелся ею? – Друзья смеются.

Вдруг Бродов закашлялся. Тотчас же появилась Анна Алексеевна.

– Кто кашлял?

– Он! – Бродов указал на Метелёва. Константин решил выручить друга и делано закашлялся.

– Ну-ка! – Анна Алексеевна губами прикоснулась к его лбу. – Вроде холодный... Но всё-таки... – Она быстро достала из аптечки какие-то порошки и, один за другим, всыпала их в столовую ложку.

– Это всё мне? – Константин умоляюще взглянул на Василия.

– Принимай, принимай! – рассмеялся тот, – дома профессор – мама!

Вдруг он снова закашлялся.

Анна Алексеевна резко повернулась к сыну. Он замер, втянул голову в плечи, но было поздно. Не отводя от него строгого взгляда, она молча протянула термометр, и он покорно засунул его под мышку. Анна Алексеевна величественно удалилась на кухню. Бродов поднял глаза на Константина, еле сдерживающего смех.

– Плохо дело! – вздохнул профессор. – Надо убежать! Ты одевайся, я сейчас!

Метелёв на цыпочках вышел в переднюю и начал одеваться. Время шло, а Бродов всё не выходил. Тогда Константин заглянул в комнату и заговорщически прошептал:

– Готов?

– Готов! – уныло ответил ему друг.

Раздетый до половины, он лежал на животе, а над ним, с зажжённым факелом в руке, возвышалась Анна Алексеевна, вооружённая целой батареей банок.

- Мама, а совещание? – простонал Василий.
- Проведём в кабинете! – и первая банка, описав дугу, впиалась в профессорскую спину.

Передняя: Анна Алексеевна электрополотёром натирает пол. Звонок. Она открывает. В дверях – худенький, щуплый паренёк. На тонкой шее маленькая головка со смешно растопыренными ушами.

- А-а-а-а, Яша!.. Здравствуйте! Вася ждёт вас. А где остальные?
- Идут... – Паренёк взглянул на полотёр. – Ну как?
- Не шумит! Вы просто умница!
- А! Тоже мне работа!.. Вот я вам сделаю, чтобы швейная машина не стучала!.. Он быстро снял пальто и шагнул в комнату. Но его остановил окрик:
- Яша! – Паренёк обернулся.
- Ноги? – Он понимающе кивнул и покорно снял туфли.

Гостиная. По начищенному паркету в носках один за другим проходят учёные в кабинет на совещание.

Кабинет. Закутанный в одеяло Бродов полулежит на диване. Вокруг на креслах и стульях – его ближайшие сотрудники. Опершись на диван, на полу, на толстом мохнатом ковре, по-турецки скрестив ноги, сидит Яша.

Выступает, вернее, заканчивает выступление высокий худощавый человек. Это заместитель Бродова, Виктор Сергеевич Воронин, которого мы уже видели на фотографии.

– ...Итак, реконструкция аппарата и его испытания будут завершены через четыре месяца.

– А скорей?

Виктор Сергеевич удивлённо посмотрел на Бродова.

– Мы и так опередили сроки!

– И всё-таки надо поторопиться!

– Выше головы не прыгнешь.

Воронин недоумевающе пожал плечами.

– В сорок седьмом году, – негромко начал Бродов, – наш институт ютился в трёх комнатах при гарнизонном госпитале. Нас называли кружком научной фантастики. Николай Ильич! – обратился он к старому хирургу. – Помните первую операцию?!

– Саркомальная опухоль печени, – не задумываясь сообщил тот. – Оперировал Бродов, ассистировал Воронин...

– Простите, – перебил кто-то. – Но ведь Виктор Сергеевич физик?

– Я возражал категорически!.. – вспомнил Николай Ильич.

– Даже назвали Виктора мальчишкой, – добавил Бродов.

– Но потом извинился! Это был риск, но операция прошла блестяще.

– К чему ты вспомнил об этом? – нетерпеливо спросил Воронин.

– К тому, что я знаю тебя, Виктор. Лучше, чем ты себя знаешь! Ты поймёшь! Поймёшь, что заставляет меня торопиться: в субботу из хирургического к нам переведена больная Савина.

– В крайне тяжёлом состоянии... – начал было Николай Ильич, но Воронин перебил его.

– Кто распорядился перевести больную?

– Я.

Большая пауза.

– Ты сегодня же, немедленно, возвратишь её в хирургию.

– Нет!

– Но это... это безумно! Каждая минута промедления для неё смертельна! Вчера её легче было оперировать, чем сегодня, а завтра будет совсем невозможно! До пуска аппарата она не доживёт, а операция, быть может, даст какие-нибудь шансы на отсрочку.

– Я обещал ей не шансы, а жизнь. И сдержу своё слово!

Виктор Сергеевич резко выпрямился.

– До сих пор мне казалось, что ты идёшь на риск. Теперь я вижу, ты идёшь на преступление. Соучастником быть не намерен! – Он направился к дверям.

– Виктор!

Он обернулся.

– И в институт больше не явлюсь, пока руководить им будет мальчишка!

Хлопнула закрывавшаяся дверь.

Хлопнула по столу брошенная Бродовым книга.

– Вы понимаете, что говорите?!

Он поражённо смотрит на лежащую больную. Это Кира Савина, женщина лет двадцати пяти. Она спокойно выдерживает его взгляд.

– Разве не ясно? Я не хочу идти на операцию.

– А жить вы хотите?!

– Нет.

Бродов растерянно шарит по карманам в поисках сигарет. Затем, так и не закурив, придвигает свой стул к кровати.

– Кто вы по профессии?

– Художница по тканям. Это имеет значение? – устало спрашивает больная.

– Конечно! – резко привстав, он срывает заглядывающую в окно цветущую ветку сирени. – Вот ветка. Вы можете ее перенести на ткань. Красиво? И платье получится отличное. А то ведь у нас часто дрянь выпускают...

– Возможно. Я уже третью весну встречаю в халате. На нём веточки ни к чему.

– А если охапка?.. И принести любимому человеку?.. Ведь вы же кого-нибудь любите?

– Да... Нет... Не надо об этом.

– Нет, почему же? И об этом...

Но она перебивает его.

– Снова операция – снова отсрочка. И снова халат. Я устала. Лучше сразу.

– Чепуха! Вы – молоды, красивы... Вам жить, смеяться, рожать, чёрт возьми! А вы – «сразу»... Глупо и противоестественно!

Больная резко приподнялась не постели.

– А рак в двадцать три года – естественно? А смерть весной – естественно? Когда рядом солнце, сирень, жизнь!..

– Я верну вам всё это!

Она снова устало опустилась на подушки.

– И это я слыхала. Много раз. – И вдруг как-то по-детски попросила: – Разрешите мне умереть, профессор!

Бродов вскочил со стула.

– Не разрешу!.. Ни за что!.. Размазня! Вам нужен не врач, а священник!.. Начитались мерзости! – Он схватил лежащую на столе книгу и в сердцах швырнул её в окно.

Книга упала к ногам сидящего на садовой скамейке Метелёва. С улыбкой взглянув в окно, из которого доносился громкий голос Бродова, Константин поднял её и прочитал название – «Жизнь взаймы».

Просторная мастерская инженеров-физиков. Беспорядок на столах, бумаги, приборы, провода. На полу, на электроплите, греется чайник. Слышен раздражённый голос Бродова:

– Ничего утешительного от меня не ждите! Чай кипит, чего не скажешь о работе! Знаю, знаю! Сидите здесь по 20 часов в сутки. Это напоминает школу продлённого дня! Начальную школу! За неделю спроектированы узлы, в которых за год никто не разберётся! Не возражайте!

Камера скользит по лицам. Несмотря на «разнос», лица почему-то улыбаются. Камера останавливается на Яше.

Голос Бродова принадлежит ему. Яша довольно удачно копирует директора института. По-бродовски решительно он переходит от одной группы к другой, бросая резкие замечания. На одном из столов свернулся калачиком долговязый инженер. К пиджаку прикреплена записка: «До 19 часов не будить!»

Яша останавливается возле спящего.

– А Сережа спит! Спит уже 10 лет. Он сладко дремал на лекциях, сопел в аспирантуре и теперь спит. И что, вы думаете, ему снится? Ему снится, что он... спит!

«Бродов» резко оборвал смехок, раздавшийся в группе возле чертёжной доски.

– Ничего смешного! А если бы даже было смешно, вам стоило бы воздержаться! За четыре дня втроём вы сделали работу, которая у меня заняла бы 15 минут! Что? Не сделал бы? Кто это сказал? Вы? Возможно, вы правы! И потом, кто разрешает курить?.. Дайте сигареты! – Отобрав пачку, он закуривает сам.

– Безобразие! Понадавали столько обещаний, а сами? Если уж вышли на ринг, надо бить!

Дверь комнаты распахнулась от сильного удара. На пороге стоял настоящий Бродов.

– Здравствуйте, затворники!

Инженеры ответили нестройно и настороженно.

– Что у вас так тоскливо? – поинтересовался директор. – Сейчас я вас развеселю.

Он высыпал на стол содержимое огромного пакета.

– Как ты думаешь, он слышал? – тихо спросил Яша у соседа.

– По-моему, нет! – успокоил его тот.

– Чай! – вдруг закричал кто-то. Бросились к плитке – крышка чайника уже подпрыгивала.

Откуда-то появились стаканы.

– Виктор Сергеевич не появлялся? – тихо спросив Бродов у Яши.

– Нет.

– К столу! – пригласили девушки шефа.

– Спасибо, я тороплюсь! Интересно, кто разрешает курить?! Дайте сигареты!

Яша протянул ему пачку, и Бродов, закурив, сунул её в карман. Все невольно рассмеялись, вспомнив этот момент в исполнении Яши.

– Ничего смешного! – бросил Бродов уже с порога. – Я побежал!

– А разбор работы за сегодня? – удивлённо спросил кто-то.

– Разбор сделает Яша, – не без ехидства произнёс Бродов. – У него это получается даже лучше, чем у меня! Счастливо оставаться!

Все замерли. Булка застряла в горле у несчастного имитатора. Когда дверь за Бродовым закрылась, из комнаты раздался взрыв хохота.

...Чей-то кабинет в Академии наук. В кабинете человек 10-12. Среди них Бродов.

Докладчик (продолжая):

– К сожалению, дорогие коллеги, нас до сих пор великолепнейшим образом водят за нос. И это будет продолжаться до тех пор, пока Юрий Николаевич, – он повернулся к председательствующему, – не снимет всемогущую трубочку своего телефона и...

Дверь приоткрылась, заглянула секретарша:

– Юрий Николаевич, снимите трубочку.

Председательствующий снял трубку.

– Да!.. Да... Здесь... Хорошо! – Он повернулся к Бродову. – Василий Аркадьевич! Вызывают! Срочно! Совещание в министерстве!.. Машину уже послали.

На лице Бродова страшное недовольство. Он разводит руками – ничего не поделаешь – и прощается с присутствующими.

Вот он выбегает из подъезда академии и вскакивает в ожидающую «Победу».

Шофёр поворачивается – это Метелёв. Оба хохочут.

Бродов:

– Откуда звонил?

Метелёв:

– Из автомата. – Снова хохочет.

Бродов:

– Спасибо... Фу!.. Наконец у меня свободен целый вечер! Пусти – я поведу!

– Они меняются местами. Машина трогается.

– Куда ты меня везёшь? – спрашивает Метелёв.

– На свадьбу!.. Честное слово!.. Дочь моего старого друга выходит замуж. Училась в Питере. Три года не видел. Чудная девчонка! Смотри не влюбись!..

Машина стремительно мчится по городу.

– Куда ты гонишь? – с усмешкой спрашивает Метелёв.

– Вперед! – задорно отвечает Бродов, и машина несётся ещё быстрее.

Дворец бракосочетаний. У тротуара выстроилась вереница такси.

Цветы, поздравления, шутки, весёлые возгласы. Невольно останавливаются прохожие и улыбаются шофёры такси.

Только один из них, грузный, небритый, ни на что не обращает внимания и, не выходя из машины, сосредоточенно жуёт бутерброд с курицей. В окно машины заглядывает женщина.

– Свободен? – обращается она к шофёру.

– Женат, – мрачно отвечает тот и снова вгрызается в бутерброд.

Раздаётся смех. Это смеются Метелёв и Бродов, наблюдавшие эту сцену.

– Скорей! – Бродов захлопывает дверцу машины. – Наше время семь тридцать... Опоздаваем!

И они влетают во дворец.

Большая нарядная комната во дворце. Здесь тесно и шумно. Заметив поблизости белое платье невесты, Бродов облегчённо вздыхает:

– Успели!

Он подходит к девушке, трогает её за руку.

– Здравствуй!.. Здравствуй, Зинушка! Как ты изменилась! Ну, поздравляю!.. От всей души! – Он обнимает и несколько раз целует её.

– Василий Аркадьевич!

Бродов оборачивается, видит ещё одну невесту и... узнает в ней настоящую Зину. Девушка смеётся:

– Вы перепутали?... Сейчас наша очередь, а они следующие!

Ошеломлённый Бродов смотрит на растерянную невесту, которую он все ещё не выпустил из объятий, на её жениха, подозрительно разглядывающего его, и, приложив руку к сердцу, пятится назад.

– Простите!.. Умоляю, простите!.. – Он поворачивается к Зине и виновато разводит руками:

– Вот ведь какая штука!.. Ну, здравствуй!.. – Он раскрывает объятия, но вдруг останавливается. – А ты – уже настоящая?!

Девушка смеётся. Он обнимает её.

– Знакомься! Это мой друг.
Метелёв вручает девушке букет.
– Спасибо! – говорит она. – Я позову папу.
– Не надо! – поспешно говорит Бродов, но она уже возвращается вместе с отцом.
Это профессор Воронин. Увидев Бродова, он останавливается. В это время Зину окликнули, она отошла. Мужчины стоят друг против друга. Пауза. Наконец Бродов произносит:
– Скоро будешь дедушкой... Поздравляю!
– Спасибо! – отвечает Воронин и добавляет: – Вчера я отправил в министерство официальный рапорт.
– Спасибо! – говорит Бродов.
Снова пауза.
– Поговорили? – спросила подбежавшая Зина.
– Поговорили! – ответил Бродов.
В этот момент к ним подошла маленькая полная женщина, беспощадно затянутая в талии. Это сотрудница дворца. Она по-деловому ткнула пальцем в Бродова:
– Вы – молодой?
– Увы, нет! – ответил тот.
Женщина повернулась к Зине.
– Берите своего молодого и пошли! – Она громко хлопает в ладоши. – Товарищи, построились! Молодые впереди, гости сзади!
В комнате поднимается обычная в таких случаях суматоха. Часть гостей выстраивается.
Пожилая дама (мужу):
– Миша, слышишь, зовут гостей! Пошли!..
Первый жених:
– Михаил Ильич! Куда? Вы же наши гости!
Сотрудница:
– Товарищи, не переманивайте гостей!
Жених Зины (к подвыпившему мужчине):
– Товарищ, вы наш?
Первый жених:
– Он – наш!
Подвыпивший мужчина (миролюбиво):
– Я – общий! Я уже третью свадьбу сопровождаю!
Сотрудница:
– Вперёд!
Свадебная процессия тронулась.

Огромный светлый зал, в котором толпа гостей почти затерялась. На возвышении, под портретом В. И. Ленина, стоят две молодые женщины. Перед ними смущённые и счастливые Зина и её жених.

– Каштанов Пётр Николаевич... – звучит торжественный голос. – Год рождения тысяча девятьсот сорок первый...
– Год нашего призыва... – тихо говорит Бродов Метелёву. – Помнишь?
– Да! – взволнованно отвечает жених. Очевидно, его спрашивали, любит ли он свою избранницу.
– Воронина Зинаида Викторовна... Год рождения тысяча девятьсот сорок четвёртый...
– Та ночь... в траншее... Помнишь? – так же тихо спрашивает Метелёв.
– Да!.. – радостно отвечает невеста.

Банкетный зал. Большой стол, на котором наполовину опорожнённые бутылки шампанского, конфеты, фрукты. Вокруг стола шумно и весело.

– Друзья! – вдруг спохватывается Бродов. – Совсем забыл! Я же ещё не вручил подарка. Собачку!

– Один-над-цать! – хором скандируют гости.

Бродов непонимающе оглядывается и вдруг замечает: на полу вдоль стены сидят десять одинаковых игрушечных псов, подаренных другими. Хитро улыбаясь, он разворачивает газетный пакет и вынимает маленького живого щенка. Он ставит его на пол перед выстроенной шеренгой игрушечных псов. Увидев столько своих братьев, щенок скулит и в испуге пятится.

Неожиданно звонит телефон, Виктор Сергеевич снимает трубку.

– Да!.. Да... Здесь... Хорошо!.. – Он кладёт трубку и направляется к Бродову.

– Горько-о-о! – кричит Бродов.

Смех, шутки, молодые целуются.

– Тебя вызывают... Срочно... – говорит Василию Воронин.

Сидящий рядом Метелёв лукаво грозит пальцем.

– Опять?!

– ...Савина отравилась! – тихо заканчивает Воронин.

Палата. Над Кирой склонился Бродов. Она открывает глаза. Слабо улыбается.

– А, профессор?... Простите... У вас будет теперь одним кроликом меньше.

– Кролик? – резко повторяет Бродов. – Вам далеко до кролика! У него – тяга к жизни!..

А вы – трусливая, истеричная девчонка!.. Такие на фронте простреливали себе руки, чтобы сбежать с передовой... Но я вам этого не позволю!

– Будете снова рассказывать о цветочках?

– Нет. Некогда. – Он повернулся к окружающим. – Промывание и слабительное!.. Без перерыва! – и уже в дверях снова бросил ей зло и упрямо: – Я вас заставлю жить!

Метелёв умывался в ванной комнате, а Анна Алексеевна стояла в передней с полотенцем.

– ...И внушите ему, пожалуйста, что собственное здоровье тоже важно. Я ждала до двух часов ночи, предположим, это его не волнует. Но сам-то он! Что, в клинике некому дежурить? Это даже несолидно! Виктор Сергеевич так бы не поступил.

Когда Константин умылся и вышел в гостиную, на её пороге уже стоял Бродов. Он осторожно закрывал дверь, чего никогда не делал раньше. Нет, не так он врвался всегда в комнату. Василий был устал и рассеян.

– Доброе утро, мама! Костя, здравствуй!

Боевой задор Анны Алексеевны погас. Она даже не обратила внимания на лужицы, оставленные на паркете туфлями сына.

– Я разогрею завтрак. – И побежала на кухню.

Бродов подошёл к другу, молча положил ему руку на плечо.

– Вот, брат, какая штука! – сказал Василий, и непонятно было, к чему относятся его слова.

– Будешь отдыхать?

Бродов неопределённо махнул рукой.

– Я в нокауте, понимаешь? Вижу противника, знаю его наизусть, и все приемы его знаю, но – я в нокауте, чёрт побери!

– Она умерла?

– Нет. Но она мертва!

Анна Алексеевна принесла завтрак.

– Ешьте!

– Виктор был прав, – с горечью произносит Бродов. – Я не должен был брать её из хирургического!

– Ешь! – говорит Метелёв.

– Она уже третий день отказывается от пищи!

Он вскочил из-за стола.

– Я постелю тебе? – Мать направилась в спальню.

Бродов начал шагать по комнате.

– У меня тысячи больных. Я смотрел им в глаза. В них были надежда, мольба, уверенность, даже вызов!.. А у неё в глазах – ничего... Пустота!.. Ты понимаешь, как это страшно, когда в глазах пустота!

Маленькая одиночная палата. На койке – лётчик Непомнящий. Медсестра делает ему укол. За окном поздний вечер.

Входит Бродов, мрачный, расстроенный. Медсестра удивлена.

– Профессор?.. Так поздно!

– Как Савина?

– Спит. Хотите посмотреть?

– Нет, нет, можете идти.

Медсестра уходит. Бродов садится рядом с Непомнящим.

– Что, летун? Не спится?

– Нет.

– Мне тоже. – Рассматривает рентгеновский снимок. – Пожалела тебя судьба: миллиметра два, и сосуду бы крышка. Осколок крупный, а ухватить трудно. Такая штука... А чего ты смеёшься?

– В Новосибирске мне один говорил: «Бродова тебе и не покажут!»

– Кто лечил в Новосибирске?

– Профессор Левин. Полгода у него лежал.

– А раньше?

– В Алма-Ате был. Восемь месяцев.

– А до того?

– В Свердловске.

– А авария когда случилась?

– В шестьдесят третьем.

– Где жил до аварии?

– Не помню.

– Куда летел? – Больной напряжённо молчит. – Жена у тебя есть?.. Отец?.. Мать?.. Ну а звали-то тебя как?.. Имя своё помнишь?

– Не помню.

После трёхсекундной паузы Бродов резко махнул рукой.

– Ну и чёрт с ним! Окрестил тебя какой-то остряк Непомнящим – и пусть так! Столько лет терпел – терпи и дальше!.. Может, там и счастья-то не много, в прошлом, а?

Непомнящий приподнялся.

– Эти разговоры я слышал... Если ты – Бродов, сделай чудо! Понял?.. Больше так не хочу! Я всё выдюжу, не бойся! Мне помнить надо! Жить надо!..

Бродов резко нагнулся и задал вопрос, скорее себе, чем ему:

– Жить надо? А зачем?

– Чтобы летать, – объяснил ему Непомнящий.

Бродов поднялся, сделал шаг к двери, остановился, обернулся и уверенно пообещал:

– Будешь летать, парень! Будешь!

Утро следующего дня. Кабинет Бродова. Бродов за своим столом, в кресле, напротив сидят старшая медсестра и два врача, лечащий и дежурный.

– И последнее, – докладывает лечащий врач. – Савина. Нужно решать, Василий Аркадьевич. От операции она отказывается, значит, придётся выписывать?

– Это ваше окончательное мнение?

– Я бы с радостью его изменил, но... Можно было бы рискнуть – организм молодой, сердце здоровое... Но вы видели её глаза?! Если нет желания бороться, она не выдержит.

– А вы что скажете, Наталья Петровна? – спросил Бродов у старшей медсестры.

– Вариантов нет – надо выписывать.

Бродов повернулся к дежурному врачу.

– А ваше мнение?

– Как бы это вам сказать поточнее... У нас не психиатрическая лечебница. Это уже не наша специальность.

– То есть выписывать?

– Совершенно с вами согласен.

– Ну, дорогой мой, если вы со мною согласны, значит, где-то я совершаю ошибку... Где-то я дал маху!.. Спасибо за сигнал.

– Но...

– Никаких «но»!

В кабинет заглядывает дежурная сестра.

– Василий Аркадьевич, Непомнящий в операционной.

Бродов выходит из-за стола, командует лечащему врачу.

– Савину немедленно в операционную – будет смотреть!

– В её состоянии? Она не пойдёт.

– А вот как хотите: уговаривайте, хитрите, доставьте силой, но чтоб она была! И смотрела!

Небольшой холл-предоперационная, одна его стена стеклянная, сквозь которую можно наблюдать за ходом операции. Кира Савина, демонстративно отвернувшись от этой стены, смотрит в окно, распахнутое в сад. Оттуда раздаются голоса двух мальчишек.

Голос первого:

– Вовка, давай играть в прятки!

Голос второго:

– Давай.

Из операционной тоже доносятся голоса.

Голос Бродова:

– Ну, что, герой, не передумал?

Голос Непомнящего:

– Нет.

Голос Бродова:

– Добро. Наркоз.

Голос мальчишки из окна:

– Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать! Кто за мной стоит, тот в огне горит! Не выдержав, Кира поворачивается и заглядывает сквозь стеклянную стену.

Оттуда слышатся голос Бродова и звяканье инструментов.

Голос Бродова:

– Хватит дрель! Скальпель! Коагуляция! Ещё коагуляция! Чудненко! Превосходно! – И вдруг замурлыкал: – Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля! Томпон! Ещё томпон!

Голос мальчишки из окна:

– Я тебя всё равно найду! От меня не спрячешься!

Кира уже вплотную у стеклянной стены. Внимательно наблюдает. По её лицу можно представить ход операции.

Голос Бродова:

– Пульс?

Голос сестры:

– Пятьдесят два.

Голос Бродова:

– Камфару! Тампон! Раствор! Продолжаем. Быстрее! Вы что, заснули?! Ещё раствор! Коагуляция!

Голос мальчишки:

– Где ты? Выходи? Это не по правилам!

Кира стоит, прижавшись лбом к стеклу. Она увлечена этой борьбой за жизнь человека. Напряжённо наблюдает.

Голос Бродова:

– Пульс?

Голос сестры:

– Шестьдесят один.

Голос Бродова:

– Чудненко! Пре-вос-ход-но! – Продолжает то ли напевать, то ли приговаривать: – Просы-па-ет-ся... с распе-том...

Голос мальчишки:

– Ага! Я тебя вижу! Вижу!

Голос Бродова:

– ...Вся... со-вет-ская... зем-ля... Пинцет! Секундочку! Ещё секундочку! Есть!

Слышен звон брошенного в миску осколка.

Голос мальчишки:

– Тра-та-та за Вовку!

На веранде больницы Метелёв, переживает, курит одну сигарету за другой.

Из операционной в холл выходит усталый Бродов. Подходит к окну, глубоко вдыхает воздух и устало опускается на подоконник. Закуривает. Кира, как бы борясь сама с собой, направляется к нему, хочет что-то сказать, но в этот момент санитарки выкатывают носилки с Непомнящим. Бродов встаёт, подходит к больному. Тот с трудом поднимает веки, видит Бродова, и губы его вдруг шевелятся. Понимая, что он хочет что-то сказать, Бродов склоняется над ним.

– Что, солдат? Что?

– ...тё-па... – чуть слышно произносят его губы.

– Что, что? – ещё ниже склоняется к нему Бродов.

– С-тё-па... – с натугой выталкивает тот своё имя.

Бродов выпрямляется, поворачивается к Кире и произносит счастливо и гордо:

– Стёпа!

По лицу Кире текут слёзы. Она плачет и впервые за всё время улыбается. А вдоль коридора, по которому везут Непомнящего, всё громче и громче, торжествующим хором звучат мужские и женские голоса:

– Стёпа!

- Стё-па!!
- Стё-ё-ё-па-а-а!!!

На веранде в кресле-качалке полулежит Кира. Напротив, опершись на перила, стоит Метелёв. Мы застаем их в разгар разговора.

- Он уже дважды спас вас!

Кира отвечает издевательски:

- «Добрый доктор Айболит. Кролик вас благодарит!» Можете передать ему это!
- Я не вижу его. Мать тоже. Он третьи сутки в лаборатории.
- Надеется, что я соглашусь на операцию?
- Да. Для вас это единственная возможность жить.
- А для него – получить звёздочку?

Метелёв долго и внимательно смотрит на девушку.

- Почему вы его так не любите?

Она вдруг отвечает:

- Потому что я его, кажется, люблю.

Этого Константин не ожидал.

Оба долго молчат. Наконец Метелёв тихо и уверенно произносит:

- Будете жить!
- А дальше расскажете сказку о живой воде?

– Нет, – мягко отвечает Константин. – Я расскажу вам об одной далёкой ночи. Ночи перед атакой. Вперёд надо было послать самых смелых. И пошли трое: весёлый чудака, мечтательная девушка и талантливый врач... Это было тоже весной...

По коридору идёт группа в белых халатах. Это комиссия из министерства. Впереди Бродов. Рядом с ним председатель комиссии – грозный человек лет пятидесяти.

– ...У нас нет оснований не доверять твоему авторитету, но мы обязаны отреагировать на все сигналы... – говорит он Бродову.

- Валяй, реагируй, – угрюмо отвечает тот.

– Не дуйся на меня, пожалуйста. Аппарат-то готов, но без предварительных испытаний...

Рискуешь.

- Знаю.
- Рискуешь многим! Где эта больная?

Бродов указывает на дверь в конце коридора.

Палата. Члены комиссии знакомятся с историей болезни, просматривают снимки. Бродов, отвернувшись, смотрит в окно. Председатель обращается к Савиной:

- Вас предупреждали о всех сложностях предстоящей операции?
- Да.
- И вы категорически отказались?

Кира молчит. Вместо неё отвечает кто-то из членов комиссии.

- Более того – больная пережила сильное нервное потрясение.
- Это естественно.

От этих слов Кира вздрогнула. Бродов тоже.

- Это не касалось операции. Теперь я согласна.

Среди членов комиссии оживление.

Бродов, резко повернувшись, пристально смотрит на Киру.

- Вы можете подтвердить, что приняли это решение самостоятельно?
- Да.

- Ну, что ж... – Председатель повернулся к Бродову. – До завтра.
- Очередной каприз? – спросил профессор у девушки, когда они остались одни.
- Нет. Просто у меня появилось желание делать красивые платья.
- Оно у вас появилось вместе с этим букетом? – Он кивком указал на пышный букет сирени, стоявший на тумбочке.
- Да. Это вам. От меня.
- Спасибо, – растерялся Бродов, – но...
- Возьмите! А то после операции будет столько цветов, что моих не отличите.

Утром в институте волновались все, от лаборантов до заведующих отделами. В коридорах возбуждённо спорили группы сотрудников. Кто осуждал Бродова, кто горячо отстаивал его решения, кто соглашался с теми и другими. Но все чувствовали величие предстоящего боя, гордились и восхищались человеком, решившимся на него.

- Идёт! – пронеслось по группам. И сразу оборвались все споры.

Резким толчком Бродов распахнул дверь. Сбросил пальто и шагнул навстречу ожидавшему его Метелёву.

- Ну, что скажешь?

Вместо ответа Метелёв резко и сильно ударил Бродова в плечо, так, что тот отлетел на несколько шагов.

- Ты что?! Обалдел?

Константин закатал рукав и так же, как когда-то на фронте, молча согнул и разогнул руку, которую пересекал огромный шрам.

- Ну как?
- Действует! – рассмеялся Бродов. Затем, уже без улыбки, пожал руку друга.
- Спасибо!

И почти бегом поднялся на второй этаж. К нему подошёл Яша.

- Установили? – спросил Бродов.
- Три часа тому назад.
- Молодец!

Бродов влетает на площадку между вторым и третьим этажами.

- Василий?!

– Мама?

– Свитер? – строго спросила Анна Алексеевна. И, убедившись, что свитер на нем, добавила, как бы оправдываясь: – Сквозняки! – На секунду прижалась к нему. – Иди! – И, глядя вслед сыну, прошептала с гордостью: – А Виктор Сергеевич этого бы не сделал!

Бродов на третьем этаже. Врач подаёт ему халат.

- Больная?
- Подготовлена.

Он идёт по широкому коридору.

Стоящие сотрудники расступаются перед ним.

Ещё десяток быстрых шагов, и Бродов у дверей помещения, где будет происходить операция.

– А почему такая суета? Вы что? – обратился он к человеку, стоящему спиной к нему у двери операционной. Человек обернулся.

- Виктор?! Ты?
- Тебе нужен ассистент... – говорит Воронин.
- Но...
- Боишься, что Николай Ильич опять назовёт меня мальчишкой?

Секунду Бродов пристально смотрит на Воронина и говорит только одно слово:

– Добро!

Он оглядывается вокруг. Тут уже много людей. Взмолнованно следят за ним сотрудники. Взгляд его пробегает по лицам Анны Алексеевны, Яши и встречается со взглядом Метелёва.

– В атаку!

И Бродов резко толкает массивную дверь.

Снова окоп. Капитан пехоты смотрит на часы.

– Атака через пять минут! – говорит он стоящему рядом офицеру.

В траншее шли последние приготовления к атаке. Солдаты надевали каски, проверяли оружие. Близился рассвет. Но опередив первые лучи солнца, из маленького домика на холме одна за другой взвились три ракеты. И не успел угаснуть в небе след последней, как обрушился на противника огонь батареи Метелёва. Пушки били в направлении, указанном ракетами.

Навстречу первым лучам солнца цепи пошли в наступление.

– Молчит, гадина! – радостно кричит капитан пехоты. – Молодцы, артиллеристы!

...А цепи уже прошли домик. Стало тихо.

Негромко зазвучала песня:

На заре пробуждаются реки,
На заре просыпается ветер...

Метелёв докурил папиросу, выбрался из траншеи и подошёл к невысокому холмику. Там, на каменной плите, были высечены три фамилии:

«Григорий Бандура, Нина Павловская, Василий Бродов»... 6 мая 1944 года. Смертью храбрых...»

А над плитой прозвучали последние строчки фронтовой песни:

... А солдаты уснули навеки
Ради жизни на нашей планете.
Солдат укрывает родная земля,
И над ними шумят тополя.

И вдруг Метелёв услышал:

– Костя!

– Костя!

– Костя-я-я!

Он вздрогнул, обернулся и в первых лучах солнца увидел тот же домик на холме и тех, кто звал его, юношей и девушку. Но нет, они звали кого-то другого из своих, его тезку.

Метелёв зашагал вверх.

Маленький домик звенел молодыми голосами. Возле домика плескались у рукомойника полуголые парни. И возились у котла над костром девушки – весёлые обитатели турбазы.

Когда Метелёв приблизился, юноши обернулись к нему и девушки подняли головы.

– Вам кого, товарищ?

– Никого. Просто пришёл на огонек. Скажите, – обратился он к парням, – нет ли среди вас Василия?

– Конечно, есть! Эй, профессор!

Из окошка выглянул паренёк в очках.

– Зачем «профессор»? – обиделся он. – Что у меня имени нет, что ли?

– А Гриць среди вас есть?

- Такого нет. Зато имеются два Петра. И оба великие!
- Всех представляла курносая белобрысая девчонка. Метелёв повернулся к ней.
- А вы... вы должны быть Ниной?
- Точно. Как вы отгадали?
- Случайно.
- Когда Метелёв спускался с холма, вслед ему раздался звонкий голос:
- Товарищ! Товарищ!
- Он обернулся и увидел белобрысую.
- Я тоже могу угадать. Вас зовут Костей, Константином! Правда?
- Она стояла, тоненькая, улыбающаяся, озарённая весёлым утренним солнцем.
- До свидания! – сказал он с улыбкой.
- Она весело помахала рукой:
- Счастливого пути!

Конец

Елена Прекрасная

ОТ АВТОРА: Судьба следующего сценария – это тема для киножурнала «Фитиль», но он уже, увы, не функционирует, поэтому тема остаётся открытой. Вкратце объясню:

Пару лет назад вышла из печати моя новая книжка «Прекрасная Елена» – это трагикомическая детективная повесть. Я получил предложение от компании «Мостелефильм» сделать её экранизацию. Со мной подписали два договора. Первый – право на экранизацию, второй – на написание сценария. Сперва речь шла о двухсерийном фильме, потом в договор вошёл пункт о четырёх сериях. Я сел за работу и в обусловленный договором срок завершил сценарий и выслал его в трёх экземплярах: один – генеральному директору «Мостелефильма», подписавшему договор; второй – представителю Первого канала телевидения, с кем оговаривал условия договора; третий – исполнительному продюсеру, с которым был в постоянном контакте в период написания сценария. По договору ответ я должен был получить в течение трёх дней после сдачи сценария и, в случае его принятия, в течение следующих десяти дней получить гонорар...

Не стану утомлять подробностями, сообщу коротко: я до сих пор не получил никакого ответа, ни от кого из перечисленных лиц, ни через три дня, ни через месяц, ни через два года, то есть по сей день!.. Правда, устно от продюсера мне было сообщено, что сценарий нравится, но официально сообщать об этом не будут, потому что тогда они обязаны его оплатить. Но поскольку на постановку в ближайшее время денег нет и не предвидится, то платить «не рационально». Все друзья и коллеги советуют подать в суд, мол, дело бесспорное, но я дал себе слово не тратить жизнь на судей, адвокатов, суды и пересуды. Поэтому я помещаю сценарий в этот сборник: может, кого-то из продюсеров или режиссёров он заинтересует. Помещаю в том виде, в каком просили заказчики, то есть готовый к работе.

Первая серия

Санкт-Петербург. Один из первых солнечных дней. По улице идёт Елена, девушка лет пятнадцати – возраст, когда гадкий утёнок начинает превращаться в прекрасного лебедя: толстая коса почти до пояса, точёный носик и радостные глаза, отражающие синеву весеннего неба – два синих озера, на берегах которых выросли длинные загнутые ресницы. Она не может не обращать на себя внимания, поэтому трое хулиганистых парней при виде неё сразу притормаживают.

ПЕРВЫЙ: Гляньте, пацаны, какая краля движется!

ВТОРОЙ: Лёлик, это та мочалка, которая тебя на той неделе отшила.

Третий, Лёлик, оправдывается.

ЛЁЛИК: Необкатанная кобылка. Ничего, я её всё равно оприходу! (*Преграждает ей дорогу.*) Привет, красавица! (*Девушка делает попытку его обойти, но он не даёт.*) Чего убегаешь? Я же не кусаюсь! Наоборот, дело предлагаю: пойдём сегодня вечером в бар, попьём, потанцуем, то да сё...

Хватает её за руку. Она пытается вырваться, но он не отпускает.

ЕЛЕНА: Оставьте меня в покое! Я сейчас закричу!

ПЕРВЫЙ (*недвусмысленно*): Кричать будешь вечером.

Все трое хохочут.

ЕЛЕНА: Отпустите меня! Немедленно!

ЛЁЛИК: Отпущу, если поцелуешь. *(Пытается её обнять. Она отталкивает его.)* Стесняешься на улице? Тогда зайдём сюда.

С помощью дружков тащит её под арку, ведущую во двор ближайшего дома. Проходивший мимо мальчишка лет десяти несколько секунд наблюдает эту сцену, затем разворачивается и бежит.

Просторная гостиная с росписью на потолке, старинная мебель и портреты предков, антикварная люстра. На инкрустированном бронзой комодe несколько бронзовых статуэток и дуэльный пистолет на резной подставке.

Хозяйка квартиры – Аделаида. В свои шестьдесят четыре года сохраняет стройность и элегантность. В гостиную заглядывает её сын, Нельсон, восемнадцатилетний парень в спортивной майке, обтягивающей мускулы, на лице его чёрная повязка, прикрывающая левый глаз. На плече – спортивная сумка.

НЕЛЬСОН: Мама, я ушёл.

АДЕЛАИДА: У тебя сегодня бокс или карате?

НЕЛЬСОН: Бокс.

АДЕЛАИДА: Желаю послать всех в нокауты.

НЕЛЬСОН: Постараюсь!

Выбегает, хлопнув входной дверью.

Улица. Уже знакомый нам десятилетний мальчишка добегают до какого-то старинного дома и устремляется к подъезду.

Из подъезда выходит Нельсон.

МАЛЬЧИШКА: Нельсон! А я к тебе. Там к твоей родичке хулиганы пристают.

НЕЛЬСОН: К Ленке?

МАЛЬЧИШКА: Да. Они её во двор потащили.

НЕЛЬСОН: Где эти отморозки?

МАЛЬЧИШКА: Недалеко, за книжным магазином.

НЕЛЬСОН: Бежим!

Большой двор. Хулиганы затаскивают Елену за дом, в безлюдный закуток. Она безуспешно пытается вырваться, но её крепко держат, пытается кричать, но Лёлик ладонью закрывает ей рот.

ЛЁЛИК: Чего выёживаешься? Пока не поцелуемся, не отпущу!.. Ты меня поцелуешь, потом я тебя – и разбежимся.

НЕЛЬСОН *(врываясь во двор)*: А меня поцеловать не хочешь?

ЛЁЛИК *(с насмешкой)*: А это что за чудо-юдо? *(Его дружки смеются.)* Пират одноглазый!

ЛЕНА *(кричит)*: Нельсон! Вызови полицию!

НЕЛЬСОН: Зачем полиция? Мы сами всё решим, правда, атаман?

ЛЁЛИК: Так ты – Нельсон? *(С интересом рассматривает его.)* Слышал я про тебя, слышал. Ну, подходи, познакомимся.

Вынимает нож.

НЕЛЬСОН: Привет! *(Оставляет свою спортивную сумку мальчишке, подходит к Лёлику. Снимает с левой руки часы, протягивает их ему.)* Подержи.

ЛЁЛИК *(удивлённо)*: Зачем?

НЕЛЬСОН: Тебе что, трудно? Подержи. Не бойся, это не больно.

ЛЁЛИК *(растерянно)*: Чего это я боюсь? Я не боюсь.

Берёт часы. Нельсон мгновенно бьёт его снизу вверх, по челюсти. Тот падает.

НЕЛЬСОН: Вот теперь больно, правда? *(Нагибается, берёт часы.)* Ты хорошо держал, молодец! *(Обращается к напарникам Лёлика.)* Кто ещё хочет подержать мои часы?

Те испуганно пятаются.

ПЕРВЫЙ: Нет, Нельсон, нет...

ВТОРОЙ: Мы что? Мы ничего...

НЕЛЬСОН: Вот и молодцы. *(Кивает в сторону всё ещё лежащего Лёлика.)* А когда атаман очухается, предупредите: ещё раз подойдёт к моей кухне, будет лежать дольше. А нож я забираю: дуракам нельзя иметь острые предметы – могут порезаться. *(Берёт Елену за руку.)* Пойдём!

Уводит её. Проходят мимо мальчишки, наблюдавшие эту сцену.

МАЛЬЧИШКА *(в восторге)*: Ну, Нельсон! Ну, даёшь! Как ты его!

НЕЛЬСОН *(забирает у него свою сумку и пожимает ему руку)*: Спасибо за информацию, я твой должник, если кто обидит, сообщи!

Уже знакомая нам гостиная. Аделаида катит из кухни сервировочный столик, на котором сахарница, конфеты, кофейник и три прибора. Она подкатывает его к диванчику с резными подлокотниками – на нём сидят гости: её племянник Валентин и его жена Анюта. Валентин большой, мощный, похожий на Илью Муромца после того, как тот поднялся с печи, на которой пролежал тридцать три года, готовясь к подвигам, а Анюта – маленькая, хрупкая, как Дюймовочка. Эта колоритная пара – родители Елены, с которой мы только что познакомились.

Разлив кофе по чашечкам, Аделаида усаживается в кресло напротив. Отхлебнув, спрашивает:

АДЕЛАИДА: Так о чём вы хотели поговорить?

Валентин делает глубокий вдох, решая, с чего начать, видно, что разговор предстоит нелёгкий.

ВАЛЕНТИН: Позвольте, начну издалека. Я где-то прочитал: «Умные мысли приходят тогда, когда все глупости уже сделаны». Это про нас с Анюткой. Мне уже под пятьдесят, я преподаю в школе математику, Анюте – сорок, преподаёт историю. У нас растёт Ленка, её надо одевать, обувать, оплачивать учёбу... Мы ещё тоже не старики – хочется пожить. Но на наши зарплаты не проживёшь, всё время гоняемся за подработками, всегда куда-то бежим. К ночи прибегаем домой и сразу валимся в кровать, но отдохнуть не удаётся: нам снится, что мы бежим. Встаём совершенно разбитыми и бежим дальше...

АДЕЛАИДА: Потому что ненасытны: ещё заработать, ещё купить... Откажитесь от излишеств и будете спать спокойно!

ВАЛЕНТИН: Для того чтоб отказаться от излишеств, сперва надо эти излишества поиметь...

Улица. Взявшись за руки, идут Нельсон и Елена.

НЕЛЬСОН: Ты к нам шла?

ЕЛЕНА: Нет, в книжный: предки просили путеводитель по Москве купить, они в столицу нацелились.

НЕЛЬСОН: Погулять?

ЕЛЕНА: Насовсем.

НЕЛЬСОН: Вот это новость! *(Он ошарашен.)* Чего вдруг?

ЕЛЕНА: Отец какой-то бизнес задумал. Там его ждут. И мама хочет.

НЕЛЬСОН: А ты?

ЕЛЕНА: Конечно, нет. Здесь друзья, подруги... *(кокетливо добавляет)* И ты, мой защитник... Ты этого подонка хорошо проучил.

НЕЛЬСОН: Да ладно! Просто нужно было перед тренировкой размяться.

ЕЛЕНА: Он не первый раз пристаёт.

НЕЛЬСОН: Больше не будет. И когда вы отчаливаете?

ЕЛЕНА: Скоро. Предки уже мебель продают.

Несколько секунд идут молча.

НЕЛЬСОН (после паузы): Грустно.

ЕЛЕНА: И мне.

Они доходят до книжного магазина, останавливаются.

ЕЛЕНА: Попрощаться придёшь?

НЕЛЬСОН: Конечно... Ну, пока!

Огорчённый, уходит.

Снова гостиная. Продолжается беседа Аделаиды и Валентина.

ВАЛЕНТИН: Я уверен, что вы нас поймёте. Вы тонкая, умная, мудрая, с большим жизненным опытом...

АДЕЛАИДА (*прерывая*): Ты говоришь обо мне так хорошо, будто я уже умерла.

Во входную дверь звонят. Аделаида приподнимается, но Валентин опережает её.

ВАЛЕНТИН: Сидите, я открою. (*Идёт в переднюю и через минуту возвращается.*) К вам гости.

Входят двое явных пенсионеров: сдобная старушка в цветном платочке на голове и мрачный худой старик в старом выцветшем кителе защитного цвета.

СТАРУШКА (*кивая каждому*): Здравствуйте вам. Мы насчёт Лёлика.

АДЕЛАИДА (*удивлённо*): Простите, с кем имею честь?

СТАРУШКА: Мы его бабушка с дедушкой, родители на Севере промышляют, вот мы за ним смотрим... Через улицу от вас живём.

АДЕЛАИДА: А кто такой Лёлик?

ДЕД (*выкрикивает*): Тот, кого ваш одноглазый бандит избил!

АДЕЛАИДА: А, теперь понятно. (*Обращается к бабушке.*) Нельсон так просто не ударит. Наверное, ваш внук слабых обижал, или к девочкам приставал, или...

ДЕД (*прерывая её*): Мы ещё разберёмся, кто к кому приставал!

СТАРУШКА (*добавляет*): Ваш сын нашему внуку два зуба выбил.

АДЕЛАИДА: Да? Маловато. Я бы ему за хулиганство все зубы повыбивала.

ДЕД: Аристократка драная! Да я тебе сейчас всю харю намылю!

Угрожающе рванулся к Аделаиде. Валентин вскочил, чтобы вмешаться, но она жестом остановила его, спокойно встала, сняла с подставки дуэльный пистолет и навела его на агрессивного гостя.

АДЕЛАИДА: Он заряжен, ещё шаг – и я влеплю пулю в ваш толоконный лоб!

Дед в испуге остановился, старушка засуетилась.

СТАРУШКА: Федя, идём! Она и вправду стрельнет.

Тянет его к выходу. Тот, пятась, выкрикивает.

ДЕД: Мы на тебя, стерва старая, управу найдём! Напишем куда следует!

АДЕЛАИДА: Я вам даже подскажу куда. Судя по вашему кителю, вы легко вспомните: сначала участковому, затем в местком, в партком, в МВД и в КГБ, простите, в ФСБ... Ступайте, Шариков, ступайте! Не теряйте время!

Не выпуская из рук пистолет, она величественно указывает им на дверь.

ДЕД (*продолжая пятиться, выкрикивает*): Ненормальная психопатка!

Незваные гости поспешно покидают квартиру. Хлопает входная дверь. Аделаида кладёт пистолет на место и поворачивается к племяннику.

АДЕЛАИДА: Если бы пистолет был действительно заряжен, я бы в этого хама непременно пальнула, не так за «стерва», как за «старая».

ВАЛЕНТИН: Вы, тётя, не обижайтесь, но, по-моему, Нельсона надо приструнить: он уже не первый раз распускает руки.

АДЕЛАИДА: А я его поведение приветствую: защитить слабых – долг истинного мужчины. Мужчина должен уметь драться. Да, да! Именно драться, лицом к лицу с противником. В старину русские рыцари шли на врагов с палицами, мечами, пиками, саблями – они не боялись

смотреть в лицо врага. А что сейчас за воины? Сидят в подземельях, нажимают на кнопки, а воюют беспилотники!..

АНЮТА: Тётя Адя, а почему вы ему не закажете искусственный глаз? Мальчик выглядит как пират. Сейчас их делают ювелирно, не отличишь от настоящего.

АДЕЛАИДА: Зачем? Он выглядит не как пират, а как воин. Я с детства ращу его воином. Не случайно в тот раз, ещё будучи пятиклассником, он бросился на взрослых хулиганов, которые обижали первоклашек...

АНЮТА: И потерял глаз.

АДЕЛАИДА: Но приобрёл уважение. И репутацию! Раны, полученные в бою, всегда украшали мужчин. Разве Кутузов стыдился своей чёрной повязки? Или Моше Даян? Или тот же Нельсон?! Наоборот: я настаиваю, чтобы он носил повязку! И хватит об этом. Вы же пришли не только затем, чтобы давать мне советы? Переходи к сути дела.

ВАЛЕНТИН: Перехожу. Значит так: в Москве у меня есть друг-адвокат, вместе в десанниках служили. Он давно звал меня в столицу, но я не решался. А вот сейчас меня серьёзно пригласили в корпорацию, занимающуюся продажей недвижимости. Мой одноклассник всего лет пять назад туда переехал, начал работать в морге и уже дошёл до чиновника мэрии.

АДЕЛАИДА: Шагал по трупам?

ВАЛЕНТИН: Зачем вы так? Просто в Москве – больше перспектив. Там меня поддержат, помогут открыть свою риелторскую фирму... Знаете, что это такое?

АДЕЛАИДА: Знаю. Недавно читала о них статью: «Преступления на рынке недвижимости». Значит, будешь жилплощадью спекулировать?

ВАЛЕНТИН (*обиженно*): Почему спекулировать? Я буду покупать полуразрушенные квартиры, перестраивать их, достраивать, реставрировать и только потом продавать.

АДЕЛАИДА: О, да ты – перспективный спекулянт. И зачем ты мне это всё рассказываешь?

ВАЛЕНТИН: Прошу помощи: мне нужны сто тысяч долларов, для раскрутки.

АДЕЛАИДА: Ты меня перепутал с Рокфеллером – у меня нет таких денег.

ВАЛЕНТИН: Но у вас есть фамильные бриллианты нашей семьи... Я знаю, как вы ими дорожите, поэтому не прошу их продавать – только заложить, хотя бы один камень. Я встану на ноги и верну, клянусь вам!..

АДЕЛАИДА: Эти бриллианты – реликвия семьи Горчаковых, они перешли от деда к отцу, от отца ко мне, и я всю жизнь сберегала их от советской власти и от толпы завистников и донощиков. Я не стану их ни продавать, ни закладывать. И скажу больше: даже если б у меня был миллион долларов, я бы не дала тебе ни цента!

ВАЛЕНТИН: Но почему? Почему?!

АДЕЛАИДА: Потому что ты хочешь опозорить фамилию Горчаковых: в нашем роду не было торгашей и спекулянтов. Я так гордилась тобой, когда ты служил в десантных войсках!

ВАЛЕНТИН: Вы бы хотели, чтоб я всю жизнь прыгал с парашютом?

АДЕЛАИДА: Я бы хотела, чтоб ты всю жизнь помнил, что в тебе течёт дворянская кровь. Маклер – не профессия для дворянина! Наши предки служили Отечеству, а не обманывали одиноких пенсионеров, ведь слова «маклер» и «мошенник» – сегодня синонимы.

ВАЛЕНТИН: В любой профессии можно оставаться честным человеком. Я ведь тоже Горчаков!

АДЕЛАИДА: Ты сохранил только фамилию, которую собираешься опозорить.

Валентин с трудом сдерживает себя.

ВАЛЕНТИН: Тётя, вы помешаны на своём дворянстве!

АДЕЛАИДА: Это лучше, чем быть помешанным на спекуляции.

ВАЛЕНТИН: Но почему обязательно спекуляции?! Это... Это... (*Он встал во весь свой огромный рост.*) Это уже явная паранойя! Или, извините, старческое слабоумие!

АДЕЛАИДА (*не поднимаясь с кресла, негромко скомандовала*): Пошёл вон! И забудь, что у тебя была тётя, – этого плебейского хамства я тебе до конца жизни не прощу!

Анюта попыталась погасить конфликт.

АНЮТА: Но, тётя Адя, Валя не хотел вас обидеть, он просто...

АДЕЛАИДА (*не дав ей договорить*): И ты ступай за ним, ведь перед тобой открывается огромная перспектива: будешь сидеть в кассе и считать чеки!

Санкт-Петербург. Квартира Валентина и Анюты.

Видно, что семья уезжает: чемоданы, картонные коробки, связки книг. Мебели уже нет, грузчики выносят последнее: тахту, обеденный стол, стулья.

Кухня. Анюта пакует любимую посуду. Валентин помогает ей.

ВАЛЕНТИН: Я думаю, японский сервиз можно не брать: из двенадцати тарелок ты разбила шесть.

АНЮТА: Ну так что? Будет сервиз не на двенадцать персон, а на шесть. Я его очень люблю.

Став на цыпочки, она пытается снять с полки очередную тарелку, роняет её, тарелка разбивается. Анюта расстроена, пытается это скрыть.

АНЮТА: Это ведь к счастью, правда?

ВАЛЕНТИН: Правда. Судя по количеству разбитой тобой посуды, мы самая счастливая семья в мире! (*Увидев, что она огорчена, подходит, обнимает её.*) Лично я люблю сервизы на пять персон!

Комната Елены. Она собирает свои вещи, учебники, мелочёвку.

Звонит мобильник. Она включает его. Мобильник настроен на громкость, поэтому мы слышим голос позвонившего.

НЕЛЬСОН: Привет! Я хочу пожелать счастливого пути.

ЕЛЕНА: Нельсон? Ты же обещал прийти проводить.

НЕЛЬСОН: Не могу: мама заставила меня поклясться её здоровьем, что я не буду встречаться с вашей семьёй.

ЕЛЕНА: Ну и не встречайся! Дурак!

Обиженная, отбрасывает мобильник. Он снова звонит, но она уже его не включает. Входит Валентин.

ВАЛЕНТИН: Ну что, дочка, готова?

ЕЛЕНА: Да.

ВАЛЕНТИН: Тогда вперёд! Едем покорять Москву!

Звучит одна из популярных песен о Москве, к примеру: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». На фоне песни камера переносит нас в столицу.

Университет. Толпа абитуриентов. Проверяют висящие на стендах списки, кто-то от радости подпрыгивает, кто-то плачет. Среди них Елена, повзрослевшая, ещё более похорошевшая – утёнок превратился в лебедя.

Заметив её, к ней подходят два парня. Как выяснится по ходу фильма, это два близких друга, Григорий и Амиран.

АМИРАН: В Италии есть такой обычай: если люди дважды встретились на улице, они уже считаются знакомыми.

ЕЛЕНА (*удивлённо*): Но я вас вижу в первый раз.

Амиран просительно прижимает руки к груди.

АМИРАН: Пожалуйста, не принуждайте нас лететь в Италию и пытаться изменить этот обычай.

ГРИГОРИЙ (*подхватывая*): Тем более что мы его сами только что придумали.

ЕЛЕНА (*смеясь*): Вы тоже поступаете?

АМИРАН: Оканчиваем. Экономический. В будущем году защита дипломов.

ГРИГОРИЙ: Пришли поболеть за нашего приятеля, он подавал на юрфак.

ЕЛЕНА: Поступил?

АМИРАН: С треском провалился. А вы?

ЕЛЕНА: С треском поступила.

ГРИГОРИЙ: Куда?

ЕЛЕНА: На иностранных языков.

ГРИГОРИЙ: Это надо отметить. Но прежде давайте познакомимся. Я – Григорий.

АМИРАН: Я – Амиран.

ЕЛЕНА: А я – Елена.

Москва. Новая квартира Валентина и Анюты. Просторная, со вкусом обставлена. Одна из комнат – кабинет хозяина. Он в кресле у журнального столика. На столике фужер и бутылка коньяка. Входит его друг, адвокат Яков Дубинский, ровесник Валентина, седоватый, но ещё стройный, подтянутый и энергичный. Хозяин радостно встречает его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.